

От редакции

Николай Викторович Офитов является давним автором журнала «Вертикаль. XXI век». На его страницах публиковались поэтические, прозаические и публицистические произведения поэта и писателя. В одноимённом издательстве вышло несколько книг Н.В. Офитова. Это сборники стихов «О, Родина!», «Божьим духом окутаю душу», «Взгрустнувшую память листаю», книга рассказов «На Ключищинском косогоре», книга публицистических статей «Глашатай русского слова». Но жизнь всякого человека столь многогранна, что невозможно в полной мере о ней рассказать, сколько бы книжек не было написано. Потому я предложил Николаю Викторовичу ответить на несколько вопросов в виде интервью. В ответ получил текст объёмом с целую книгу. Мы решили полностью его опубликовать, представить на суд читателей, сделав лишь некоторые сокращения.

В. Сдобняков

* * *

Валерий СДОБНЯКОВ, главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век».

Николай Викторович, вы человек удивительной судьбы — сужу об этом по вашим книгам, и в первую очередь по сборнику рассказов и очерков «На Ключищинском косогоре», в которой есть страницы воспоминаний о бабушке, бабушке, ушедшем на фронт и не вернувшемся отце. Потому прошу — расскажите подробно о своём роде.

Николай ОФИТОВ, поэт, писатель, журналист.

Коротко не расскажешь о своих предках, давших тебе жизнь и как они выводили своего потомка в люди. Но где бы я не был, всегда тянуло на свою малую родину — в своё родовое гнездо Офитовых, на широкий родниковый косогор, утопающий в садах, русское село Ключищи в Больше-Мурашкинском районе. Это примерно в ста километрах от славного града Нижнего Новгорода, к югу, через Кстово, Работки, не доезжая 60 км до известного Сергача.

Место для селения предки выбрали сказочное, удачное, красивое, знали, где удобно будет жить. Под бугром — светло-струйная, глубоко-водная, благодаря запрудам и плотинам река Сундовик, впадающая

около областного города Лысково в Волгу. Кругом поля, дуга, леса, перелески, просёлки, по утрам, в летнюю пору, медвяные песенные рассветы. Название села, видимо, произошло от наличия бьющих здесь из-под земли ключей-родников. Они звенят и поныне, а вот села уже нет, время и безмозглая кремлёвская власть стёрли его с лица земли. Но оно было! Стояло здесь больше полусотни добротных на загляденье изб с резными наличниками. Округа полнилась многоголосьем. В каждой семье — много детей. Нас у родителей было трое. Если б не закаятая война, наверное, было больше.

Увы! Время окаянное разрушило не одно только моё родное село, а десятки тысяч по России, вот и полнится она, на нашу беду, чужим людом и другой веры. Но это другой разговор. О своём роде, родных корнях, которые питают каждого, если они есть, без них нет и не может быть любой жизни. Кто бы я тогда был без своих-то корней? Да меня просто бы не было. И жаль, что ныне всё больше появляется тех, кто эти свои корни забывает или даже отрубает напрочь. И кто тогда они после этого? Сухое с дуплом дерево. Без родины мы никто. Надо помнить, откуда ты вышел, что дала тебе родная земля, каким выпустила в люди, кто были эти люди, породившие тебя, как жили, чем занимались, кого и что любили. Здесь на Ключищинском косогоре мои ближайшие предки крестьянствовали. Русские люди — они жили по Божьим правилам и заветам, чужого не стяжали, берегли честь, жили с добром в душе, трудились, чтоб выжить, о лени в мыслях не было, а также не остаться должниками соседей. Не лгали, никого не обманывали, не обижали и, Боже упаси, прослыть прощельгой, самознайкой. Был особенно велик в крестьянской семье авторитет старших, если он опирался на благочестивый образ жизни самих стариков. Духовное воздействие такой семьи оказывало заметное влияние на духовный настрой всего сельского прихода. Всех своих детей воспитывали в строгой нравственности, в труде, водили в церковь, если кто-то вынужден был остаться дома, то не ел пока не кончится обедня и отец не принесёт ему просфоры. Учили молитвы, старшие рассказывали детям разные истории из Священного Писания, жизни святых. Кто был грамотен, а таковым был в селе только дьякон и его помощник, читали сельчанам духовные книги.

Отец моего деда Михаила по отцовской линии Пётр Якимович научился грамоте у дьякона, знал церковно-славянский язык, на досуге почитывал Святое Евангелие, Псалтырь, Богослужбные книги, которые ему давал тот же местный дьячок. Сын Петра Якимовича Михаил, дедушка мой, тоже освоил эту церковную грамоту, читал эти же книги (других книг было не достать) иногда допоздна при слабом свете фитильной копилки или при свече. Наверное, это чтение с малых лет и привило ему любовь к книге. Учёба в церковно-приходской школе, которая появилась в селе как луч среди тёмной ночи, окончательно сделала из него страстного книголюба, но книги он будет собирать уже в Нижнем Новгороде, где проживёт значительную часть своей праведной жизни, к сожалению, недолгой. Уже с детства он стал помогать отцу по хозяйству, которое у Петра Якимовича, моего прадедушки, было самое бедняцкое, едва сводили концы с концами. Было у него ещё два сына. Ветхий дом с передней сенницей разваливался, и живности — ни коровы, ни овец, кроме козы, несколько лет не было, земли тоже. Она осталась после отмены крепостного права у помещика Михаила Прутченко, центральная усадьба которого располагалась в версте от Ключищ (ныне это большой посёлок Советский — центральная усадьба совхоза). Его владения составляли площадь 6 тысяч гектаров (около 60 кв.км.) в бассейне реки Сундовик. Прутченко владел землями и возле Работок у Волги, на Северном Кавказе, на Тамбовщине, на Украине — в Сумской области и в других местах тогдашней России. Этот барин сохранял свои огромные поместья вплоть до 1917 года, когда случилась революция. Так и жили «раскрепощённые» ключищинские крестьяне, как говорится, с кукишем

в кармане — без земельных наделов. Царское «освобождение» не дало им нормальных условий жизни, оставив в барском ярме. Сам барин появлялся здесь редко. Распоряжались хозяйством назначенцы помещика — старосты. Они, что хотели, то и творили, кого наказывали, кого миловали. За малейшую провинность крестьян пороли. Роптать, жаловаться было бесполезно. Один крестьянин не стерпел надругательства над собой, гордый был, взял и убил обидчика — старосту. Суд скорый — каторга. Видимо, от беспросветной нищенской жизни Пётр Якимович надорвался, стал прихварывать. Сын Михаил, как самый старший, в 15 лет от роду, взял ведение хозяйства целиком на себя, младшие братья ему помогали, и так продолжалось до смерти отца в 1902 году.

В ноябре того же года произведён семейный раздел имущества с матерью и братьями. При разделе Михаилу досталась одна старая лошадь, оценённая в 50 рублей, передняя сеница — 25 рублей. Из сельхозинвентаря — ничего. Как можно было жить и вести крестьянское хозяйство, практически не имея на это средств, да ещё в холодной сенице проживать. Вынужден снимать чужую квартиру, идти в батраки к помещику Прутченко. Нанялся на зимний сезон за 15 рублей. Помыкавшись по чужим углам, погнув спину на барина, в мае 1903 года Михаил Петрович ликвидировал своё скудное хозяйство и, не без боли, порвав всякую связь с землёй и сельской жизнью, ушёл на отхожие заработки в неизвестный до сель ему славный город Нижний Новгород. Здесь, в фирме «Товарищество паровых механических мельниц Н.А. Бутрова», его взяли в сторожа с окладом 10 рублей в месяц на своём содержании, дали жильё. Стоит отметить, что к этому времени мельницы Бутрова были крупнейшими в регионе, перемалывали в год до 11 миллионов пудов зерна. Сам хозяин Николай Александрович, которого писатель Максим Горький именовал «удельным князем нижегородским», стал крупнейшим мукомолом Нижегородской губернии и почти самым крупным в Поволжье. Ему принадлежало шесть паровых мельниц из девяти, которые имелись тогда в губернии. При каждой мельнице находились специальные склады: одни для сырья, в другие поступала готовая продукция. Сторожем Михаил Офитов был зорким и строгим, даже мышь, как говорили про него, не могла пробежать незамеченной. Он и грузчиком-то побывал. Молодой, сильный затоваривал в прочные пятипудовые мешки зерно, муку, крупу. Дело в его ловких руках спорилось, отличался большой энергией и железной волей, привыкший с детства к нелёгкому крестьянскому труду, мешки тяжёлые, словно пудовые гири, поднимал играючи. Устал, конечно, изрядно, но судьбой был доволен. Здесь им с молодой женой — моей будущей бабушкой Пелагеей Степановной (она трудоустроилась в доме господ прачкой) жилось значительно легче, чем в родном селе: готовый тёплый кров, небольшая, но регулярная зарплата, её на жизнь хватало, которую украшала их природная скромность, честь, нестяжательство и верность друг другу. Так оно и было. Любовь у них была свята. Хозяйственные дела не определяли семейные отношения. Супружеские, а после родительские чувства познали ещё с сельской жизни. И это неверно, когда встречаешь в литературе старых писателей «грубых мужиков в обращении» с жёнами. Конечно, было это и ныне есть, может ещё больше. Но в основном мужчины в семьях были «более ласковы, чем грубы». Обратитесь к фольклору, и вы удивитесь, как часто в семейных отношениях упоминаются ласковые слова «люблю», «голубушка», «моя краса», «сахарные уста», «милый друг», «моя любезная», или «доставайся, колючко, любезному, я которого на веки полюбила»; «а кто любит чужих жён, нет душе спасенья. А кто девушку полюбит — грехам отпущенье»... Сердечные отношения между супругами сохранились до конца их жизни. Вот так мило и с добром жили мои дедушка с бабушкой, деля радости и печали между собой поровну, были довольны друг другом.

Много позже, бабушка говорила, что к браку в деревне люди относились очень ответственно («идучи на войну, - молись, идучи в море —

двое, хочешь жениться — молись втрое»). Вступать в брак надо было в установленное время, а не заниматься гульбой. Гуляк называли людьми безнравственными и перекати поле, таких осуждали, ведь они шли против законов крестьянской жизни, обычаев предков («женитьба вещь добрая, она от Бога показана»). Не осуждалась только безбрачная жизнь монаха, отшельника и сельского келейника. Два года Михаил Петрович прослужил в сторожах. После чего, видя его старание и порядочность, отличающегося сметливостью и умом, перевели его в лавку в качестве рядового приказчика с месячным окладом 25 рублей. Это в материальном плане уже что-то значило. Конечно, не такой уж высокий заработок, но стабильный, рабочие получали оплату вовремя до копейки. Таков был заведён здесь порядок, он соблюдался ещё со времён Петра Егоровича Бугрова — деда владельца огромного хозяйства Николая Александровича. И такое отношение к своим служащим, работникам являлось редкостью в капиталистическом мире, в котором процветал и процветает ныне произвол, обман, унижение. У Бугровых никого не обижали, потому-то пользовались они глубоким уважением, любовью. Рабочий люд не уходил от Бугровых, жил целыми семьями, молясь на хозяина. Бабушка рассказывала, какие щедрые они с дедом получали от Бугрова бакалейные (муку и крупу) подарки. Уютное жильё у них было бесплатное в доме при мельнице, бесплатно питались в общей столовой. Если кто заболел, того определяли в приёмный покой, лечили земские фельдшера. Ещё бабушка говорила, что очень была удивлена, когда её Миша пришёл домой в новом костюме и сапогах. Получали служащие от хозяина не мало чего и другого. Вот с кого надо бы брать пример нынешним олигархам в замордованной ими капиталистической России, а не дурить своих работников мизерной зарплатой, думая, как бы ещё её урезать, умножая своё воровское состояние, строя пышные особняки, приобретая дорогую недвижимую, в том числе и за рубежом и вкладывая деньги в иностранные банки. Бугровы жили скромно. Обстановка в доме у них была самой простой. Бревенчатые стены украшали дешёвые обои синего цвета, пол покрашен светло-коричневой краской, пахло церковным ладаном и лампадным маслом, Бугровы были очень богомольными людьми. Украшений на стенах не висело. Мебель хохломская, не заморская, своя из известного кустарными промыслами большого села Семёнова. Хозяин сам туда ездил и привёз. В красном углу — икона Богоматери. Он садясь за стол и вставая от него, не забывал отвешивать поклоны перед иконами. Как-то дед застал хозяина за этим благим занятием, когда ходил с докладом-отчётом (все местные приказчики обязательно отчитывались). Выслушав тогда его, Николай Александрович пригласил на чай. Хлебосольный хозяин всех приходивших к нему в контору с разными вопросами щедро угощал. На стол подавались пироги с разной начинкой и калачи. Сам любил гречневую кашу и пирожки. После дед рассказывал о встречах с Николаем Бугровым бабушке, я с её слов передаю, пытаюсь представить ту обстановку, какой делился с супругой дед. Самого его я в живых не застал, он скончался до моего рождения. Наверное, рассказ из его уст был бы более красочен, многогранен. Так вот, говорил дед Михаил Петрович, пьёт он чай с постным сахаром, калачами, слушает словоохотливого собеседника, а слушать Николая Александровича было одно удовольствие, так образно говорил, ничего не таил, говорил откровенно, от собеседника ждал только правды. Обмануть его было невозможно. Дед ничего не утаивал, не юлил, не хитрил, иначе был воспитан — на правде. Говорил о жизни, какая она была, защищал босяков, каких видел в городе немало. Бугров отвечал, что специально завёл в доме для них столовую, где кормятся босяки. «Мол, рука дающая да не оскудеет», а сам, не сводя с дедушки взгляда, так и сверлил его цепкими умными глазами. Ценил в Михаиле Петровиче, своём подчинённом, ум и деловую хватку, совестливость и справедливость, трезвость и почитание Бога. Да, дедушка всегда крестился перед иконами и просил у Бога про-

щения, если, как считал, сделал что-то не то или кого-то обидел. Хотя, не обижал он никого, наоборот, помогал каждому, кому требовалась помощь попавшему в беду. Всегда подчёркивал, что надо ценить всё то, что имеешь. Бойся потерять любовь, если любишь, и здоровье береги, беспокойся о нём, даже когда чувствуешь себя хорошо, а не только когда заболеешь. Утраченного не вернёшь. Веру он считал главным сокровищем сердца. Жить, как считал, надо без зла, зависти, не лениться и не бить баклуши. Этих же жизненных принципов деда придерживалась бабушка Пелагея. Оба, словно живительными соками, питали ими своих детей. Она считала, что человека держит родная земля, оторвёшься от неё — погибнешь, как Антей, когда его Геракл оторвал от земли. Тот погиб, потому что лишился её силы, которой питался, а без неё ослаб, его и одолели. Поддерживая супруга, считала, что он прав, без веры и своей Родины жить нельзя — пропадёшь.

Уже будучи взрослым, я поражался святости своих предков: и бабушки, и дедушки. Их стремление, жажда идеала — святости. А ведь к этому тогда стремился весь русский народ, особенно когда ему становилось неуютно и тяжело. Живя сами не богато, они старались помочь человеку, попавшему по какой-то причине, не от него зависящей, хоть ломтём хлеба. Иногда дед доставал из своего тонкого кошелька жёлтенькую, так назывался тогда один рубль, крестился, и говорил, что этому человеку деньги сейчас нужнее, он сам, ещё заработает, на себе испытал, каково быть бедным. Мучная (бакалейная) лавка, где Михаил Петрович хозяйничал, и где велась розничная торговля, находилась на Нижне-Волжской набережной — это самая большая бакалейная лавка в городе. Торговля велась бойко, покупатель самый разный, приобретал то, что ему нужно: товар качественный, на выбор. Михаил Петрович, проявляя к покупателю вежливость, нахваливая товар, иной раз подолгу разговаривал с покупателем. Если тот оказывался разговорчивым о жизни, то о новостях в городе. Покупатели о нём отзывались с теплотой, и вновь за покупками шли только в дедовскую лавку. Он никого не обманывал, крохоборством не занимался, делал всё, как подсказывала совесть, которая передалась ему с молоком матери — крестьянки. Не лгал, сластолюбивым распутником не был. Любил только, раз и навсегда выбранную в жёны, одну-единственную милую Полю, как звал Пелагею Степановну. Был у них лад и покой. Появилась дочка — умерла вскоре. Затем ещё две родились, тоже жили недолго. Тогда много умирало детей ещё в младенчестве, медицина только развивалась, не могла оказывать в полной мере оздоровительные действия. Страшное горе переживали вместе, не теряя надежды, что Боженька всё же не оставит их без детей, которых очень хотели иметь, за все их страдания и муки наградит новыми детками — солнышками жизни.

Супруги иногда выбирались на знакомство с городом, правда, это было редко-редко, но многие его достопримечательности они уже хорошо знали и любовались ими. Нижний Новгород — один из древнейших русских городов, заложенный на слиянии рек Волги и Оки великим владимирским князем Юрием Всеволодовичем, родным внуком Юрия Долгорукого, в 1221 году сначала как пограничная крепость на северо-восточных рубежах Русского государства. Посещали чудесный Кремль с 13 башнями, привольно раскинувшийся на кручах Дятловых гор. Обязательно бывали в Михайло-Архангельском соборе, поражал и дух захватывал вид на Стрелку, где величественная Волга сливалась с Окой. Любили бродить по Верхне-Волжской набережной, всматриваться с высокого Откоса в заволжские лесные дали. Настрадавшееся в нищенской жизни в родном селе сердце радовалось, дышалось легко. В эти счастливые минуты Михаилу Петровичу думалось, что ему повезло попасть сюда, к Бугровым. Теперь он за свой труд получал, на жизнь им вполне хватало. Хозяину служил честно, и тот, видя его рвение и старание, в долгу не оставался: поощрял и деньгами, и подарками. Почему-то вспоминалось

прочитанное у Максима Горького, о купцах и приказчиках, которых писатель называл мелочными мещанами, склочными, жуликами, и не соглашался с ним, который их просто ненавидел, изображал себялюбивыми, лицемерами, сосущими кровь ближнего. Мол, мещане только тем занимаются, что лгут, жуют, жульничают, развратничают, спят. Обвинял в невежестве, предрассудках, считал их малограмотными. «Горшки, самовары, морковь, курицы, блины, обедни, именины, похороны, сытость до ушей и выпивка до свинства», - такую жизнь показывал Горький этого торгового и ремесленного сословия, низших служащих. Настродался, наверное, в детстве, когда был босяком, вот и возненавидел мещанское бытие. Кажется, что жизнь эта — куцая, жестокая, убогая у всех. Ошибается писатель. Не то и не о том пишет. Не надо озлобляться до такой степени, они же, эти люди не бездельничают, трудятся, добывая в поте лица своего хлеб своей насущной. Разве крохоборы, склочники и невежды служат у Бугровых? У него люди — честные и знающие своё дело. Здесь никого не обижают, не унижают. Ибо хозяин Николай Александрович непорядочных людей не держит, поскольку сам вышел из трудолюбивой семьи, каких только поискать. Живёт для людей и своего родного города, не жил по принципу, что после нас хоть потоп. Об этих размышлениях деда мне известно со слов бабушки. Но я думаю, что так и было, ведь он был умным, порядочным человеком, слов на ветер не бросал. Гуляя по городу, они спускались к Волге, набирали в ладони волжской воды, поражаясь её чистотой, которую можно было пить, не боясь заразиться. Поднявшись наверх, шли по Большой Покровке, останавливались, из уст Михаила Петровича вырывались стихи. Да, стихи Фета и Некрасова, поэзию которых очень любил, и многие их вещи знал наизусть. Жена слушала его бархатный голос безупречную дикцию, не перебивая. Откуда у него такой дар? От природы. Она наградила его умом, смекалкой, силой, огромным трудолюбием. И добротой. На зло он не отвечал злом. Говорил, что кто его творит, это безбожники, без веры живут, Сатане служат. Повторяю, сам дед и бабушка людьми были набожными, верующими, молились, ходили на богослужения в церковь. Знали, что человек троючастен, как говорится в Писании: «И ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествии Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес.5:23). Они узрели, что есть в человеке дух, душа и тело. И не путали духовные, душевные и телесные сферы жизни. Не меняли места.

Безбрежность русской души была в них через край, за что их и уважали, ценили. Они помогали обездоленным, мол, «не обеднеет рука дающего». Сами, мол, были недавно такими. Благодаря Богу и своему хозяину Бугрову, у которого работали не покладая рук и на совесть, обрели душевный покой, стали жить лучше, чем жили до этого. Для них Николай Александрович Бугров был Человеком! Нынешние наши олигархи, нагло присвоившие себе народное добро, разграбившие страну, в подмётки ему не годились по своим душевным, нравственным качествам. Эти гребущие бездельники, придя на готовое, живут для своей выгоды, на простой люд им наплевать, знай, умножают свои капиталы. Ну, иногда, как подачку, подкинут ему какую-то мелочь. И такой шум подымут, говорильню на весь белый свет о своей «добrote», хоть уши затыкай, выключай тлетворный, завравшийся телевизор и газеты не смотри. Бугровские капиталы шли на пользу Отечества, доставались и обездоленным. Таков уж был сердобольный род Бугровых, начавшийся с деда Николая Александровича — Петра Егоровича, ставшего в Нижнем Новгороде выдающимся купцом — предпринимателем, заложившего здесь главное дело Бугровых — мукомольное производство. Подчеркнём особо, что разбогател он благодаря неустанному труду, работал, как вол, не жалея себя, из кожи лез, добывая копейку. Умный, смекалистый был, бережлив, не воровал у государства народные деньги и недра - «народное достояние» себе не присваивал. Слышите, российские олигархи, чинов-

ники и «эффективные менеджеры»! Не воровал Бугров. Вёл трезвый, не развратный образ жизни. Не изменял Родине, не предавал друзей. Честь была для него превыше всего. Выходя из самой бедной старообрядческой семьи, что проживала и мыкалась в деревне Тоскуйки Семёновского уезда. Рано осиротел, ещё с малолетства вынужден был добывать себе кусок хлеба. Пошёл пасти деревенское стадо. Потом тянул бурлацкую лямку на Волге, был грузчиком-крючником при Соляной конторе в Нижнем Новгороде. Сплавлял и сопровождал баржи с солью по Волге заказчикам. Тогда в низовьях Волги водилось много рыбы, Пётр Егорович закупал её и перепродавал вместе с другими товарами. Скопив денег, заделался со своим-то умом и смекалкой предпринимателем, а вскоре подрядчиком при Соляной конторе. Лиха беда начало. Появилась собственная баржа, за ней — семейная речная флотилия: 5 парашоводов и 40 барж. Доходы росли, он богатеет. Собирая капиталы, как писал доктор исторических наук нижегородец Андрей Седов (Деловой мир/Былое. № 4.1995) всегда действовал честно, никого не обманывал, и не подводил, детям своим внушал: «Делай так, чтобы тебе было хорошо, и никому не худо». Его предпринимательская активность была широка. Он увлёкся строительным подрядом, и здесь тоже преуспел. Никогда не завышал цены на свои работы, как это делали другие. Этим и побеждал конкурентов на публичных торгах. И что бы ни строил, делал качественно. Поэтому нижегородские власти ему и поручали все главные и важные стройки в городе. Укрепление знаменитого нижегородского Откоса тоже его рук дело. «Осмеливаюсь представить самого замечательного мужика по всему Нижегородскому имену, Петра Егоровича Бугрова, - докладывал о нём министру уделов управляющий нижегородским уделным именованием В.И. Даль. - Это один из тех смышлённых умов, который от ломового крющика добился звания первого подрядчика Нижнего». Этот трудолюбивый и умный «босяк», идя от одного дела к другому, вложил свой капитал в мукомольное производство. Но что удивительно, будучи купцом первой гильдии, наотрез отказался выходить из крестьянского сословия, которым гордился и не забывал сирых и обездоленных, помогал им, даже долги государевы за них выплачивал. После смерти Петра Егоровича Бугрова, за дело взялся его сын Александр Петрович. Он оказался таким же деловым, предприимчивым и сердобольным, каким был его отец. Не зря же говорят, что яблоко от яблони недалеко катится. Выстроил в Нижнем Новгороде «Ночлежный дом» на Нижнем базаре, под Кремлём, где обитала беднота, приезжающая сюда в поисках лучшей доли и заработка, помогал обустроить город, строил новые мельницы... Вот и приехал сюда, надеясь найти свою лучшую долю и нашёл её мой будущий дед Михаил. Всеми делами в это время уже заправлял продолжатель рода Бугровых Николай Александрович, не опуская из вида благотворительные заветы фирмы своих славных предков. Только на милосердные дела тратилась половина всей прибыли предприятия Бугровых. Чего не дано нынешним скрягам-олигархам и им подобным богачам. Все эти случайные вороватые миллиардеры - отправляют капиталы, нажитые чужим горбом, на свои счета триллионы бюджетных денег, тоннами вывозятся золото, скупают там недвижимость и переселяют туда свои семьи, вкладывая деньги в чужую экономику, и всячески порочат Россию. Да им всем бы сидеть за решёткой, тюрьма ждёт не дожждётся их, когда они в ней окажутся. Но они на свободе и живут в своё удовольствие, потому что в нашей властной структуре есть их большие покровители, тоже пропитанные продажным духом, которым не дорога Родина, их пристанище давно на пресловутом Западе.

Тут бы пригодился талант Максима Горького для написания своих злободневных творений. А о Бугровых и их работниках, о которых писал неслестно, кстати, безвозмездно получал от Бугрова деньги и немалые, которые тот использовал «на листочки» - революционные прокламации, надо было говорить, писать только хорошее и с придыханием: «Какие,

мол, чудесные жили люди! И слава им, что они были, трудились во имя и на благо своего Отечества, вкладывая в его развитие свои капиталы, нажитые своим трудом праведным, умом, бережливостью, разумным образом жизни, неся в душе Святую Русь». Дед Михаил Петрович видел не раз Максима Горького у Николая Бугрова, к которому писатель приходил в гости. А однажды заглянул в дедовскую лавку, и тот был очень удивлён его приходом. Нет, он ничего не покупал, а только расспрашивал о жите-быте, откуда родом из какого сословия, каким образом оказался у Бугрова. И смотрит хитро на него, прощупывает зорким взглядом. Дед знал по его рассказам, что писатель не жалуется купцов и их приказчиков, изображает не такими, какие они были на самом деле, выставляя в неприглядном свете: крохоборами, живущими чужим трудом. Но это же неправда. Может, где-то было так, но только не у Бугровых. У него, кто трудился, были людьми честными, дорожили своим местом, ибо хозяин не держал непорядочных людей и выставлял бы за порог. Разговаривая с Горьким, дед тогда спросил писателя, почему он отрёкся от своего имени. На что тот хитро улыбнулся и раскатисто окая, ответил: «А вы захотели бы стать пешкой в чьей-то игре? Вот, то-то и оно, что не стали бы. Потому я теперь и не Пешков, а Горький. Жизнь как и у вас, Михаил Петрович, начиналась у меня не сладкой, а горькой, и об этом я ещё напишу, о своём детстве как пошёл в люди, о жизненных своих университетах. Воровством пропитание себе добывал. Признаюсь, есть очень хотелось. В церкви просфоры похищал, в иконописной мастерской украл икону и псалтырь. И об этом напишу — почитаете. А ещё взял житийную книгу и отрезал на картинках головы всем святым. Видите, какой я не хороший человек. Мстил за бабушку, которая была мне всех ближе, которую в семье избивали до полусмерти. Вот и не верит он в Бога, что позволял издеваться над человеком». Дед сначала подумал, что Горький шутит, а оказывается, правда, когда читал то, что обещал написать Горький. А вы, говорил он деду, набожный человек. Без Бога, как говорится, не до порога. Вера двигает к хорошим делам, раздвигает жажду знания. Вы, человек интересный, чую, босяцкую школу жизни прошли. Ведь свой свояка видит издали, говорил Горький деду. Знаете, каково быть босяком. Почитайте мой рассказ «Сторож», там я о многом поведал. Знаю, книги вы читаете. Чтение — лучшее учение! Я всем хорошим в себе обязан книгам. Увидев на столике книгу Лескова, воскликнул: «О! Лесков — это мастер. Какой прекрасный русский язык! Зачитаешься. Чтобы образно говорить и по-русски, надо читать Лескова. Может, Горький говорил что-то ещё, бабушка забыла, рассказывала, что помнила, а я передаю с её слов, ничего не прибавляя и не убавляя. Горький подарил тогда деду свою книгу рассказов и подписал: «Бывшему бедному крестьянину из Ключищ, божьему человеку Михаилу Петровичу Офитову от бывшего босяка и почитателя Сатаны Максима Горького, признающего в Вас — Человека. Рад, что Вы любите книгу. Помните, а я Вас запомнил. Максим Горький».

Вот такая была у деда незабываемая встреча, и он помнил её, не забывая. Книжки, что выходили из-под пера писателя, старался не пропустить ни одной, приобретал. А горьковская книга рассказов с автографом автора в библиотеке деда была особой и лежала на видном месте, он время от времени её перечитывал. Жаль, книга не сохранилась, кто-то взял почитать и не вернул. Не возвращали и все другие книжки, беря почитать, богатая дедовская библиотека, какую он собрал, живя в Нижнем Новгороде, и привёз её в начале двадцатых годов прошлого века в родное село, куда и сам с семьёй переехал жить, была вся растащена и не возвращена. Самого Михаила Петровича в живых уже не было, война шла, мы — его внуки были малы, читать не умели, не знали ценность книгам. Каких только книг и журналов не было в дедовской библиотеке! Интересы его не ограничивались только работой приказчика. Деда интересовали истоки, текущая жизнь Российского государства, по-

этому собирал книги по истории и о знаменитых людях, составляющих славу Отечества. Читал газеты, приобретал популярные тогда журналы «Нива», «Солнце России» и другие. Всё хранил. Собрал всю классику русской литературы и зарубежную в том числе. Денег не жалел, супруга нередко упрекала его, что он зря тратится. На что отвечал, что лучше купит книгу, чем извести деньги на вино, которое категорически отрицал и не пил. Собирал книги из года в год. Пустую беллетристику не признавал. Увлекался Лесковым, Успенским, Писемским, боготворил Фета, Некрасова, стихотворение последнего «Размышление у парадного подъезда» аккуратно переписал на большие листы лощёной бумаги красивым крупным почерком, каждую первую букву строки выделил красными чернилами. И подпись с датой — 10 ноября 1910 года. Это переписанное стихотворение сохранилось, я беру его иногда, перечитываю и люблюсь дедовским чистописанием. Оно великолепно! В библиотеке деда были полностью Фёдор Достоевский, Лев Толстой, Александр Куприн, Александр Пушкин, Фёдор Тютчев... На видном месте стоял дедовский знакомый «босьяк» Горький. Перечислять всех писателей и поэтов, чьи книги были у деда Михаила Петровича, займёт длинный список, все он внимательно читал, делал в книгах закладки, некоторые строки подчёркивал то красным, то синим карандашом. На чтение порой тратил время сна. Много занимался самообразованием, переосмысливая некоторые свои взгляды на жизнь. И детей своих приучал к чтению. Поклонялся книге, как святыне. Ведь без книги человек слеп и останется неучем. Не проходя никаких учебных заведений, образование дед получал через умные книги, и сыл очень образованным человеком своего времени. Я был ещё маленьким, когда началась Великая Отечественная война. К этому времени дедовская библиотека была в целости. Я брал книги в руки, листал их и думал, что скоро пойду в школу, познаю азбуку, и тогда всё перечитаю. Увы, во время войны книги кое-кто из сельчан брал читать и не возвращал, в результате вся наша библиотека была растащена. Исчезла и книга Горького с его автографом. Сейчас у меня хранятся лишь две книги Льва Толстого и томик Куприна издательства Марса в переплёте деда. Он сам переплетал книги, делал это со вкусом, мастерски. Рядовым приказчиком Михаил Петрович пробыл до 1914 года. Тогда перевели работать на склады на Софроновской площади, принимал и сдавал привозимые грузы, платили — 50 рублей в месяц. Потом мукомольное предприятие стало поручать ему другие ответственные работы. И, наконец, он так поднимался бы по карьерной лестнице всё выше, в дальнейшем мог занять какую-то руководящую должность у Бугровых, дело шло к этому, но грянула революция, которую Николай Александрович Бугров предчувствовал ещё за несколько лет до её свершения. Бугров до этого дня не дожил. Он видел, что нужны реформы для улучшения жизни народа. Но, ни в коем случае эти реформы проводить для разрушающей революции. Будет только ужас и разруха. «Революция — развязка всех узлов, которые законами связаны и людей скрепляют для дела», - говорил Николай Бугров. Опасения его оказались пророческими, революция разразилась и погубила в своей кровавой пучине всё доброе дело его милосердной дружной семьи.

Куда теперь и чем заняться при новой власти? В октябре 1917 года Михаила Петровича, зная его деловые и организаторские способности, новая власть берёт на службу в Союз Советских работников Нижегородского Губернского Комитета по продовольствию. Здесь в полной мере раскрылись все его деловые и нравственные качества. Сначала — агент Транспортного отдела, потом, помощник Управляющего Транспортном, затем становится ответственным руководителем по перемолу зерна на государственных мельницах. На всех должностях аккуратен, честен, вежлив, энергичен. Михаила Петровича ценили, уважали и, казалось, что так и приживётся здесь, возможно, займёт какую-то новую должность, но судьба решила иначе. Супруга стала сманивать его в родное

село, где жили родственники. Все уши, как говорила мне, прожужжала благоверному, поедем да поедем. Он ехать в село наотрез отказывался. Пред глазами вставало горькое прошлое, холодная нищенская жизнь. Нет, нет, не поедет. Но, в конце-концов, сдался. Михаил Петрович написал заявление по собственному желанию, главное руководство увидило его решение, просило остаться, он здесь нужен, но, ссылаясь на семейные обстоятельства, 15 марта 1921 года со службы уволился. Если бы знал, что ждёт его и семью впереди, ни за что не поехал бы. Этот переезд в дальнейшем изрядно потрепал семье нервы, подорвал его здоровье, укоротил жизнь, но об этом скажем ниже. 20 марта того же года прибыли на свою малую родину — в село Ключищи. У них было уже двое детей: шестилетний сын Виктор, будущий мой отец, и годовалый Валентин. Работа для деда нашлась быстро. Осенью он избирается членом президиума Курлаковского ВИКа при волостном отделении. Через год, когда штаты были сокращены, в члены правления Курлаковского обще-потребительского предприятия «Надежда», потом трудился председателем ревкомиссии того же хозяйства. Поработал председателем и в Холязинском сельском совете, в Больше-Мурашкинском РИКА — финансистом вплоть до февраля 1927 года. Такое непостоянство в работе, видимо, надоело ему, всё шли какие-то переназначения. Он решил осесть в своём селе, занялся личным сельским хозяйством. Изба, в которой жили, сгорела во время пожара, в том числе и полукаменный дом брата, случившегося по чьей-то злой воле. Дед построил на том месте новый полукаменный дом, который, полуразрушенный временем, стоит с пустыми глазницами окон и поныне. Приобрёл живность — лошадь, корову, овец и необходимый инвентарь для занятой земледелием. К этому времени в семье рос уже третий сын Сергей.

В крестьянские дела и хлопоты Михаил Петрович ушёл с головой. Землю одухотворял, называл её развёрнутой зелёной книгой. Такая оценка роли земли в его жизни исходила из понимания сути духовно-нравственного мировоззрения русского человека, Он осознавал свою зависимость от родной земли, называл её ласково: то матушкой, то кормилицей или царицей. Дедушка читал специальные книги о земледелии, стремление выращивать хлеб или иные растения стало настолько сильным, что поглотило его целиком. Он понимал, что в земледелии должна быть культура поля, зависящая от культуры самого человека. Любо-дорого посмотреть, когда поле твоё ухожено и радует глаз, значит, урожай будет хороший. Не зря трудился. Землю удобрял навозом, ведь главным свойством почвы является её плодородие. Придирчиво относился к семенам, помня пословицу: «От худого семени не жди доброго племени». К этому времени подрос старший сын Виктор, стал помогать отцу в сельских делах. Человек в деревне с малых лет осваивал крестьянские знания, добавляя к этому личный опыт и наблюдения. Трудолюбие крестьяне оценивали как высшее качество человека. Родители воспитывали его в своих детях с малых лет. Если ребёнок не приучался к сельскому труду, то в дальнейшем на него нечего было рассчитывать в усердии хлебопашеством. Здесь резко осуждалась лень или недобросовестное отношение к труду. Трудолюбие и воздержание от хмельных напитков были господствующими добродетелями. Ценились сообразительность и ловкость каждого, сила и виртуозность в полевых работах, если они исполнялись коллективно. Михаил Петрович вёл своё личное хозяйство умело, сноровка у него была отменная. За что бы он ни брался. Но человека на селе возвышали не только его личные и деловые качества, но и польза, какую он приносил другим. Крестьяне считали, что труд благословлён Богом. Не зря же говорили: «Бог в помочь!» «Помогай, Господь!» Я уже говорил, что дед с бабушкой были набожными людьми. Веру они передавали и своим детям. Вместе посещали церковь, соблюдали посты и обряды. Беспокоились о соблюдении нравственных норм. «Креста на тебе нет», — говорили тому, кто совершал дурной поступок. И наоборот: «Живёт

по-божески», «живёт по-христиански», - говорили о тех, кто был милосерден, совестлив и честен. Всё это в семье моих предков соблюдалось, дети воспринимали от старших все их привычки, обычаи, поведение, и просили прощения, если в чём-то были виноваты. В отношениях между поколениями в крестьянской среде лежало уважение к старшим — к родителям, к старикам. Чего, к сожалению, часто нет ныне. И это наша общая беда, что прервалась связь поколений, а то, что она прервалась, это очевидно — уходят из жизни нравы нашего русского бытия, что грозит печальными последствиями для нас русских. Если выпускаем в свои души безнравственность, когда попираются деяния и жизненные установки предков, которым благодаря своей праведной жизни удалось создать великое государство — Россию.

Но вот на село пришла коллективизация — объединение личных хозяйств в колхозы. Прежняя крестьянская жизнь рушилась. Хочешь или не хочешь объединяться в колхозы, никого не спрашивали. По-разному приняла люди насильственную коллективизацию. Одни радовались, говорили, что всё теперь будет наше, общее, другие не одобряли её, мол, бездельники будут жить за счёт работающих, получать с ними одинаково, а то и больше. Скептически относились к объединению крестьянских хозяйств и дед с бабушкой, считая это грабежом людей, разрушением их нравственных Божьих устоев. Но раз власть задумала провести коллективизацию, она её проведёт, никуда не денешься. Стране, как говорили, нужен был хлеб, а его крестьянские подворья в силу разных причин производить в достатке не могли. Проходила коллективизация болезненно, тяжело. Люди не хотели расставаться с нажитой нелёгким трудом личной собственностью, которая становилась общей, не своей, и душа этому у многих противилась, кричала, плакала, роптала. Зато с радостью побежала в колхоз голытьба пьяная, относящаяся к делу спустя рукава, у которой отдавать в колхоз ничего и не было, а там им светило пользоваться всем наравне со всеми общим имуществом. Михаил Петрович был глубоко мыслящим человеком и понимал, что внедряемая государством коллективизация — необходимость времени, против не попрёшь. Не вступишь в колхоз — станешь изгоем, и пойдёшь по миру с протянутой рукой. Написал заявление, и 1 апреля 1931 года стали они с супругой колхозниками. Скрепя сердце, отвели на ферму всю свою живность: лошадь, корову, овец, кур, сдали сельхозинвентарь какой имелся в их единичном хозяйстве. Колхоз стал называться именем В.М. Молотова. К работе в новом хозяйстве дед и бабушка относились, как к своему личному, серьёзно, вместе с ними трудился сын Виктор, старались помогать им младшие сыновья. Без труда никто не сидел, и дома трудились, только теперь не было лошади и коровы, завели козу. Привыкнув к порядку и ответственности у Бугровых, Михаил Петрович не терпел бесхозяйственность, лентяев, хотел, чтобы в колхозе соблюдался порядок, дисциплина, а не так, чтобы один — с сошкой, а семеро — с ложкой. А такие были, кто к делу относился с ленцой, спустя рукава. Находились и те, кто колхозную собственность воровал. Председатель Ерёмин закрывал на нарушения глаза, сам порой выпивал вместе с бездельниками-алкашами, в чём мне, спустя годы после войны, вернувшись с неё инвалидом, слёзно признавался, и просил прощения за изымательство над дедом этой публикой. А он, мол, как председатель, чтобы не допускать безобразий и соблюдать порядок, сам издевался над дедом, обзывая «бугровским буржуем», другим позволял глумиться, творить зло... Ругал себя, ударяя кулаком в грудь, дурак, мол, был, умом не блистал, глупым был неучем, многого не понимал тогда. Как только попал в председатели, за какие заслуги и качества. Михаила Петровича надо было ставить на этот пост, он должен был возглавить колхоз, человек умный, порядочный, знает, как вести хозяйство, да кое-кто воспротивился. Много попили дедушкиной крови его гонители, всякая пьянь подколотная. Как только не оскорбляли и не измывались над ним, а заодно и бабушке до-

ставалось. Переживал дед, но виду не показывал. Председатель сводил с ним личные счёты по одному судебному делу, когда тот скрыл воровство в колхозе. Михаил Петрович знал об этом воровстве и оказывал суду содействие. Ненормальная обстановка в колхозе была выявлена и подтверждена специальной комиссией, которая указала на разбазаривание тягловой силы, сельхозинвентаря, зерна. Руководство колхоза продолжало измываться над ним как могло. За его справное ухоженное подворье, считавшееся середняцким, называли «буржуем», а он никого не эксплуатировал, не грабил, сам трудился с семьёй как вол. Все налоги и сборы платил аккуратно, вовремя. Председатель со товарищами состряпали на него дело и исключили из колхоза. Дед подал жалобу в Горьковскую краевую крестьянскую инспекцию «РКИ». Комиссия детально разобрала это дело и потребовала невиновного человека восстановить в члены колхоза. Но вскоре по надуманному делу последовало второе исключение деда из колхоза. Опять незамедлительно последовало восстановление. Вся эта гнусность по отношению к порядочному, честно работающему человеку, каким был мой дед Михаил Петрович, продолжалась года три. Не давали работу его сыну Виктору, таким образом, семье, пытаясь оставить её без средств к существованию. Дед переживал, страдал. Не думал и не гадал, что так обернётся его судьба, когда уходил с высокого поста в городе, где его ценили и уважали. Гонения, унижения, бесконечные переживания, отстаивания своего честного имени, подорвали здоровье деда. Он серьёзно заболел и в 55 лет от роду скончался. Так неожиданно закончилась жизнь Михаила Петровича Офитова, жившего ради родного Отечества, отдавшего ему свои силы, знания и любовь. Жаль, что я не видел его живым, родился уже после его смерти.

Осталась Пелагея Степановна с двумя сыновьями: 14-летним Валентином и 11-летним Сергеем. Старший — Виктор женился, внутреннее пространство дома разделили пополам перегородкой, так как появилось две семьи. Трудно было бабушке растить сыновей, материальных средств не хватало, да и откуда они могли быть. За работу в колхозе начисляли трудодни-палочки, на которые в конце года выдавали зерно, которое надо было ещё смолоть на мельнице на муку, и её для пропитания на год не хватало. Выручала картошка с личного огорода и овощи. Овец держали, получали от них шерсть и закалывали на мясо, продавали на базаре в райцентре, выручая какую-то копейку. Приходилось продавать нажитые в городе вещи деда и сыновей, в основном, одежду, да и свою. Ходила всю оставшуюся жизнь в стёганой фуфайке и резиновых ботах. Когда появился на свет я, нянчилась со мной. Отец мой, Виктор Михайлович, работал в колхозе бригадиром, все летние дни находился в поле, где пахали, сеяли, потом убирали хлеб. Дел хватало. Председатель был уже другой, они с отцом ладили, верша общее дело на общее благо. В колхозе имелось два колёсных трактора, но они порой простаивали из-за поломок. Выручали лошади. Их было десятка два, в том числе и наш серый масти конь по кличке Быстрый, которого отвёл на конный двор колхоза дед. Мы с отцом Быстрого навещали. Он узнавал отца, ржал, протягивал морду, лизал его руки. Дома, вечером, отец корпел над трудовыми книжками колхозника, в которые вносил наименование работ, сколько сделал за день тот или иной человек, сколько за его труд надо было поставить трудодней-палочек. Работа муторная, занимала немало времени, ведь надо оценить труд колхозника и никого не обидеть. Жалоб не поступало. Вообще, отца сельчане любили и уважали, называя Витенькой. За его добро отвечали той же монетой. Никого он не обижал, не ругался, был ровным, вежливым, разделял чужое горе и радость. Справедлив был и честен, как его предок. Под себя не грёб ничего. Состлиив был. Последним куском хлеба мог поделиться. Один раз, где-то на дороге, отдал нищему старику пиджак, сняв со своих плеч, холодно было, а тот от холода дрожал и мог совсем замёрзнуть. Отец накинул пиджак ему на плечи, сказав, носи на здоровье. Перед войной случился

неурожайный год. Соломы для подстилки в стойлах скота не оказалось. Отец, к удивлению сельчан, тогда раскрыл свой двор, примыкающий к дому, отвёз солому на колхозную ферму для подстилки скота. Больше этого никто не сделал. Он думал, что осенью, когда уберут с поля хлеба, покроет двор заново новой соломой, но не успел, ушёл на второй день после начала войны с фашистской Германией на фронт. Мама с бабушкой да соседки, мужики уже воевали с фашистами, как могли, покрыли двор. Крыша с тех пор во время дождя протекала, во дворе стояла вода.

Крестьянином отец был настоящим, хотя родился в городе, но вырос-тал уже в селе, болел за колхоз. Людей жалел, помогал им, берёт от неприятностей, отзывчив был на чужую беду. Однажды заболела одна женщина, нужно было срочно доставить её в больницу в районный центр. Стояла глухая ночь. Прибежали к отцу, разбудили, он вскочил с постели, побежал на конный двор, быстро запряг лошадь, и сам повёз женщину в больницу, до которой было километров десять. Гнал лошадь так быстро, что та бедная была вся в мыле. Успели. Прооперировали, оказалась аппендицит. Не юлил, не хитрил и никому не завидовал. Честь берёт смолоду. Ответственен был. А тот, кто принимает полностью ответственность, есть Человек. С женой, моей мамой, у них было полное согласие: любили друг друга, ничего не таили, радость и горе делили пополам. Прекрасная была пара. Это не моя выдумка, люди говорили о них так. Эх, если бы не война, с которой отец не вернулся. Мал был я, когда он простился с нами и родным домом, который уже так обветшал и скособочился, что вот-вот свалится с полукаменного основания наземь. Крыша давно ремонта просила, а средств не было, да и не жил там уже никто после смерти матери в конце 90-х годов прошлого века. Нам — детям не до дома, жили вдаль от него. Жаль, что не бережём родной очаг, своё родовое гнездо, где появились на свет, где нас учили премудростям, выводя в жизнь. Родители мои были людьми мудрыми, цельными, справедливыми. Добру-разуму своих детей учили. Мы слушались их, впитывали каждое доброе слово из их уст. Крохой был, почти не помню отца, но знаю по фотографиям и со слов односельчан, что был он среднего роста, брюнет и сильным. Табак не курил, вино не употреблял, если, сказывали, только по великим праздникам опрокинет одну рюмку — всё. У меня, наверное, неприязнь к этому зелью от моих предков — деда и отца. Хулиганство пресекал на корню, да мы и не хулиганили, зная, что это приводит к беде. Родителями двигала человечность и бережное отношение друг к другу.

Через толщу лет вижу отца с гармоникой. Был престольный праздник. Отец вышел на улицу и заиграл: «Когда б имел златые горы...» Такой весёлый и радостный. Ещё запомнилось, как мы с дядей Серёжей играли во дворе и почему-то стали плеваться. Отец увидел, подозвал меня к себе, потрепал за ухо, повторяя, чтобы больше так не делал. Вот это почему-то запомнилось больше всего, и подобного в моей жизни уже не было. Доброта сопровождалась со строгостью, такими были и его братья. Всех троих поглотила в свою клыкастую огненную пасть война. В последней весточке, она была и первой — открытке с фронта из Волоколамска Московской области, отец писал, чтобы не беспокоились о нём, просил свою мать приглядывать за нами — малышнёй, помогать... «Он призван защищать от фашистов Родину, которая у него в груди, как и ты, мама. Фашистов мы скоро разобьём и вернёмся с победой... 17 июля 1941 года». Через некоторое время пришло печальное известие, что рядовой Офитов Виктор Михайлович пропал без вести. В это не верилось. Как пропал и где? Не иголка же в сене? Этот вопрос так и остался без ответа. Значит, погиб, его так испепелило, что найти не могли, как многих других наших воинов... Дядю Сергея, младшего сына бабушки, у которого была бронь, но он отказался от неё, проводили на фронт в начале апреля 1942 года. Я хорошо помню этот тёплый, но пасмурный день. Он больше молчал, чем говорил. Наверное, мыслями витал уже там, в боях, окинув взглядом провожающих,

взял свою любимую гармонь и заиграл. И окрест огласился бравшими за душу звуками. Закончив играть, поставил гармонь на лавку у дома и стал прощаться. Когда дошла очередь до меня, поднял на руки и, прижимая к себе, сказал: «Не горюй, Колька, вернусь...» Бережно поставив на землю, стал прощаться с матерью, та, утирая концом платка слёзы, просила почаще писать письма, а то нехорошее будет лезть в голову, не случилось ли что... И он писал, пользуясь короткими привалами между боёв, идя по дорогам войны в составе гвардейской стрелковой дивизии. Стрелял из пушки, разя врага, слушая музыку боёв, и как они треплют немцам холку. Чтобы не расстраивать мать, в каждом письме сообщал, что у него всё хорошо, жив и здоров, того желал ей, самой дорогой, любимой. Меня вспоминал. Продвигаясь с боями на Запад, он оказался в Эстонии, здесь, на острове Сааремаа, около деревни Муратси, прошёл ожесточённый бой с немцами, танки которых не давали продвигаться нашим солдатам вперёд. Дяде удалось подбить три вражеских танка вместе с их экипажами. Но вскоре подбили и его пушку, раздробив ствол, а самого слегка «царапнули». Оглянулся на соседнюю и увидел, что её стрелок и помощник убиты. Мгновение, и он возле неё, заменил убитых товарищей. Стрелял, успевая только заряжать, и разил немецких пехотинцев, идущих в атаку на наши позиции, подбил ещё двух «тигров» и «пантеру». Атака гитлеровцев захлебнулась, больше вперёд они не сунулись. Произошло это 10 сентября 1943 года. За этот подвиг гвардии сержант Сергей Офитов был награждён медалью «За отвагу». Мы радовались за него, и что наступил решающий перелом в военных действиях в пользу Красной Армии. Враг драпает, наши гонят, научились воевать. Но враг яростно огрызается. Из Эстонии дядю перебрали в Белоруссию, к Гомелю, где пришлось вести тоже жестокие бои с сопротивляющимися немцами. Оттуда фронтовые дороги привели его на Украину. В конце сентября переправились через Днепр, недалеко от Киева, как сообщал дядя. Ох, и страшные бои здесь шли! А где они были не страшные? Война есть война, кто кого побьёт. Дядя писал, что гонят врага. Его фронт хромает, уже давно, хромает на обе ноги, и боится оказаться в том или ином котле. Суегитися, огрызается, как может, но время вражины заканчивается. Отступает. Они уже воюют в Западной Украине. Генерал Ватутин — молодец! Ведёт нас вперёд, всё ближе к вражескому логову. С ним мы кого угодно победим. И как всегда заканчивал письма, что у него всё хорошо, жив и здоров. Берегите себя.

В разгаре стояло лето 1944 года. Красноармейцы с боями, преодолевая сопротивление противника, продвигались всё дальше и дальше по Западной Украине, приближаясь к Львову. Заканчивался июль. В предпоследний день его дядя написал матери ответ на её письмо, в котором она очень просила сына, чтобы вел себя поосторожнее, не лез под пули, поберётся. Он, прося у матери прощения, писал, что не может этого сделать: «Война есть война, а я — русский солдат, и если начну думать только о спасении своей шкуры, то буду самым последним негодяем. Понимаешь, родная, не могу я скрываться за других, чья кровь обогрывает нашу землю. И если за неё придётся погибнуть, то погибну в бою, но врагу спуску не дам, не на того напал. Писать кончаю, иду в бой. Не переживай за меня и не горюй, мама! Помни, что я — русский солдат и не боюсь умереть за Родину, за всех живущих, за Ключищинский косогор, так благоухающий весной сиренью с птичьим пением. И ещё хочу сказать, что очень хотелось бы дойти до гитлеровского логова. Сергей Офитов. 30 июля 1944 года». Но из того последнего боя... он уже не вернулся. Из 129-й стрелковой дивизии, его последнего места службы, пришла бабушке похоронка, в которой извещалось: «Ваш сын гвардии сержант... Офитов Сергей Михайлович... проявив геройство и мужество в бою, убит 31.07.44 гг.» Тяжело переживала его гибель бабушка. Лютый изверг фашист — Гитлер загубил жизнь сыночка, говорила она, принёс горе. Война проклятая убила.

Оставалась не ясной судьба её сына Валентина. В конце 1939 года его призвали на действительную службу в Красную Армию. Находился он в небольшом приграничном белорусском городе Молодечно. В последнем письме, отправленном матери 22 мая 1941 года, сообщал, что ему присвоили звание младшего сержанта, стал «маленьким начальником», и теперь в его подчинении взвод, за который он отвечает. Через месяц началась война, он как в воду канул. Что с ним, куда пропал, вестей никаких не было. Думалось, что его живого уже нет. Но, оказывается, все годы войны он находился и мучился в плену у немцев. Такую весть сообщил после окончания войны дядин товарищ (они обменялись адресами родителей в случае чего сообщить) из Подмосковского Можайска, в фашистском концлагере они находились вместе. Всего несколько дней, как писал он, его друг Валя не дожид до освобождения, когда в их концлагерь ворвались красноармейцы. В лагере старались держаться вместе, поддерживали друг друга в минуты трудности, а они все были жуткими, надзиратели издевались как могли. Ваш сын Валя, Пелагея Степановна, сообщал незнакомец, обладал большой силой воли и всем нам — пленным внушал не падать духом, верить в нашу победу. «А попал Валя в плен, как говорил, следующим образом. Когда враг обрушился на город Молодечно, завязался страшный бой, но силы были не равны. Немецкая вооружённая армада шла огненной лавиной на горстку красноармейцев, но Валя не дрогнул, увлекал свой взвод за собой вперёд, и был в том бою сильно контужен, на какое-то время потерял сознание. Очнулся, а перед ним фрицы стоят.

Много чего перенёс он за годы плена, стойко переносил издевательства фашистских надзирателей. Нас стойкости, мужеству учил, говорил, что мы — русские, нас согнуть не удастся никому, голову не склоним перед врагами. Должны знать бы об этом давно, со времён князя Святослава...» Далее писал, что пленных содержали хуже скота, кормили какой-то баландой, не похожей на еду, которую и животные не стали бы есть. Их жизнь не дорога фашистам, истребляли как хотели. Почти до нового 45 года был Валя ничего, держался, а потом стал худеть — чахотка. 17 апреля 45 года он умер. Оставшихся в живых освободили наши солдаты, победно войдя в Германию. Не зря говорил его друг, что победит Советский Союз. Незнакомый нам человек удивлялся его душевной теплоте и доброте, признавался, что очень любил Валю, ох, и любил. Ему запомнилось, как тот постоянно повторял, что «худо не быть человеком». Да, он Человеком был! Из рассекреченных архивных документов известно, что дядя Валентин находился в лагерях — штагал 13 А и 13 В под лагерным номером 116219. Первичное место захоронения — Фалькенау, р. Згер.

Вот так сыновья бабушки Пелагеи не вернулись с войны. А она всё равно ждала их. Когда весной появлялись цветущие одуванчики, долго смотрела на них и шептала: «Витенька, Валенька, Серёженька». И мне казалось, что она видела в одуванчиках своих ненаглядных сыночков, превратившихся в другую ипостась. Они стали просто землёй, травой, цветами и дают нам знак, что они с нами. Желают только одного, чтобы мы жили в ладу. Ведь за нашу жизнь очень дорогая цена. Поскольку мы жили в одной избе, то я постоянно находился с бабушкой, помогал ей копать огород, заготавливал топливо, приносил воды с ключа. Она приучала меня к Божьей молитве. Когда в военные годы и после войны было туго с едой, одеждой, обувью — помогала. Фуфайки две, кажется, донашивала я с её плеч, пока ходил в школу. «Учись, внучек, — говорила не раз, — отец очень хотел, чтоб стал ты учёным человеком. Безграмотность-то, она к беде ведёт, человек без неё, как слепой...» Радовалась, что не бью баклуши, а учусь. Самой-то учиться не пришлось, осталась малограмотной, читала только по слогам, дедушка научил. Но как она говорила почти на любую тему, диву даёшься. Речь её была чистой, образной, не засорённой разным словесным мусором, как ныне. Не сквернословь, говорила. Бо-

женьке похабщину больно слушать. Её язык лился полноводной рекой, в которую втекали и вытекали, словно звонкие ручьи, ручейки, реки. Мне казалось, что говор её порой крутился, будто в водовороте, а потом вытекал на простор и бежал уже по другому руслу. Её русский язык, как глубокая река, принимал иностранные слова, да и наше сквернословие за мусор, несла — прочь, подальше от родного берега. Её речь была голосом Бога, с которым разговаривала постоянно, становясь на колени перед образами в красном углу. Красным назывался потому, что угол, где стояли иконы, был в доме главным. Одевалась скромно, питалась простой пищей, любила квашеную капусту и особенно чай, настоянный на медовых травах. Я тоже иногда чаёвничал с ней, и казалось, что в лицо веет душистым ромашковым с клевером лугом. Хотелось как можно больше глотать этот аромат. Очень был вкусен чай! Такого вкусного напитка больше нигде не доводилось пить. Жаль, что не узнал тогда секрета приготовления её чая. Ещё, бабушка строго соблюдала все посты, подчеркивая, что они очищают нутро человека от шлаков, оседающих внутри нас, как накипь в самоваре. В этом она была права, говорила: «Бога надо слушать, Он зря ничего не говорит». — Как дедушка, не терпела лжи, фальши, обмана. «Расти, внучек, честным, добрым. Запомни, что доброта — мост к людям. Жизнь на добре держится. Без него она превратится в ад...». Это верно. Там, где нет добра, творится только зло, человек превращается в зверя. Только добрые дела формируют человека, не ленись делать их, порадуй Бога, и воздастся тебе. Бабушка Пелагея Степановна так жила, как говорила. В молодости, сказывали, она была стройной и красивой, русоволосой, лицо излучало солнечный свет, согревая стынущих людей, а карие лучезарные глаза с обаятельной улыбкой снимали с них дневную усталость. Эту улыбку она сохранила и в старости, только на носу выросла небольшая бородавка, лицо покрылось морщинами, да на руках выпирали тёмно-синие прожилки, результат нелёгкой работы. Сколько ей пришлось этими руками всего переделать, одному Богу известно. Кожа на руках напоминала луковую шелуху. «Я своё прожила, плохо ли, хорошо ли, но прожила, - говорила, - жинзя, как конь проскакала, не видела, вот как пробегает время, отпущенное нам Богом...» Прожила достойно, с добром в душе, не на ийоту не солгавши ни себе и не людям, прожила, как и её любимый Миша, вырастили троих сынов — витязей, верных Отечеству, да пожить им пришлось мало. А сама прожила 92 года, ушла в иной мир, к Богу, место в раю заслужила.

Вторая бабушка — Евдокия Ивановна Седова (Шишкина по первому мужу, моего второго дедушки) жила в маленькой избёнке с сыном Василием, неподалёку от нас. Её первый муж Иван Иванович сражался на Первой мировой войне и погиб, защищая славян, где-то в Галиции в 1914 году, отроду 22 лет. Говорили, что он был честным, добрым человеком, легко гнул подкову. Вот какая силища была в нём! Все крестьянские работы давались ему легко. Семью любил, унывающим его не видели, горькую не пил. Вот какие у меня были деды трезвые! Оба отвергали винопитие. Я в них пошёл, не терплю алкоголь. Говорили, что Иван Шишкин, хоть и уставал в поле, но возвращался домой с песней. Любил попеть русские песни. И Русь любил, как свою родную матушку. Жить бы и жить, да война проклятая. Его годовалая дочка Анна, будущая моя мама, осталась сиротой, без кормильца. Существовать было не на что, и Евдокия Ивановна с малышкой на руках пошла собирать милостыню. Как-то на них накинудись голодные собаки и сильно покусали. О медицинской помощи речи тогда не могло идти. Жуткие раны болели долго. Скитаясь по деревням и сёлам, однажды забрели они в Ключищи, да и задержалась здесь, приютили их добрые люди. Больше в своё село Вельдеманово, где, кстати, родился и рос будущий патриарх России Никон, они не вернулись. Через какое-то время Евдокия Ивановна вторично вышла замуж за ключищинского крестьянина Ивана Седова. У них родился сын Василий — мой дядя. В войну был сапёром. Рисковал

жизнью, когда разминировал поля и населённые пункты от смертельных мин. Но Бог хранил. Домой вернулся невредимым. Работал механизатором, слыл заялдым рыбаком. Любил выпить. Грустным я дядю не видел. Его улыбчивые глаза всегда излучали тепло. Бабушка Дуня тоже была добрым незлобивым человеком, жизнь её прошла вся в труде в колхозе, заботах и хлопотах. Никого не обижала, была чересчур тихой, жила, как и её сватья с Богом, по Его заповедям. В долгие зимние вечера при свете керосиновой лампы пряла овечью шерсть и вязала носки, варежки, шарфы. В стужу я поддевал такой шарф, с ним в стужу становилось теплее. Помню, как потерялось у неё веретено, она сокрушалась, что нечем стало прясть пряжу. Собиралась на рынок за новым. Тут я сказал, что сделаю веретено сам. И сделал. Она была довольна веретеном, снова пряла. Бывало, и в плуг впрягалась вместе со своими товарками, вместо лошадей, тащили его за собой по полю, оставляя позади неровную борозду пашни. Это было, когда лошади в колхозе от бескормицы настолько ослабли, что еле стояли в стойлах, а некоторых верёвки подерживали. Вот женщины и становились лошадьми.

Небольшого роста, худенькая, носила с тока на своём горбу пудовые мешки с отсортированным зерном в колхозный амбар. А кто из сельских женщин в то военное и послевоенное время не был ломовой лошадью? Боже, мой! Когда думаешь об этом, становится не по себе, представляя среди этих женщин — тружениц тыла — нашего второго фронта, свою мать, не слышавшую за свой каторжный труд, как и её подруги даже доброго слова, не то что получать почести и награды, даваемые нередко, а было и такое, да и сейчас никуда не делось, не по заслугам. Наши женщины военных лет, «просто работали», как говорили они. То же я слышала от своей матери. Она отдала в жертву времени свою молодость, здоровье, красоту, личную жизнь. Святая мученица и подвижница, совестливая и беззаветно преданная семье, делу и родному дому, где одной жилось не сладко. Послевоенные годы для села были такими же трудными, как и военные. Та же бескормица, пустой трудодень, все нелёгкие работы висели тяжким грузом на плечах женщин-солдаток, мечтавших о хорошем куске хлеба, а об отдыхе на курортах даже в снах не видели. Кем только мама не работала: в полеводстве, дояркой на ферме... Я не знаю, откуда только брались у неё силы со скудного питания. Какую тягость вынесла на своих плечах, знает только один Бог. Не покладая рук, не доежая, не докармливая своих чад, выращивали хлеб, а сами его не видели — всё уходило государству. Когда жизнь более-менее наладилась, стало легче и с питанием лучше. Но село с каждым годом хирело, население — редуло, осталась мать к концу своей жизни доживать одна в худой избе с печным отоплением и керосиновой лампой. В отпуск я приезжал к ней заготавливал дрова, чтобы было чем топить печку согреться в холодную пору и приготовить пищу. Как я не уговаривал маму жить у меня, она наотрез отказалась: «Не поеду никуда, сынок, ни в какой город. Я там с ума сойду сиднем-то сидеть в четырёх стенах-то, да шум слушать. Здесь, в родном гнезде, останусь. Проживу, не привыкать. Сам же говоришь, что родная земля и в горсти мила...». Так жила на родном косогоре одна, больше здесь никого не осталось. Часто говорила, что живёт с Богом, а Он видит дела каждого, ей поможет, в обиду не даст. Будем надеяться на Его святую волю. Ты, сынок, живи с Богом. А кто забывает Святыню, готовит сам себе дорогу в ад к дьяволу. Не стяжай — это смертный грех, счастливым не станешь.

Жить зимой здесь было холодно и страшно. Мели метели выли в печной трубе, словно голодные волки. Председатель колхоза, на который мать горбатилась всю жизнь, в жильё ей на центральной усадьбе, куда переселяли всех желающих жителей «неперспективных» деревень, отказал, сославшись, поезжай, мол, к детям. Видимо, затаил на нас с братом злость, что мы послушались его и не остались в колхозе. Мстительным оказался этот, расхваленный на все лады сормович-тридцатитысячник.

Души и сострадания к бедным людям у него не было. А говорили, сам рос сиротой. Я тогда написал письмо на счёт помощи матери в Горьковский обком партии. Письмо переслали ему же – председателю Соколову на его рассмотрение. Тут он совсем остервенел. Тогда я обратился к директору совхоза, что от нашего ключищинского косогора в километре, Алексею Фёдоровичу Ломаченко, не поможет ли он моей матери с жильём? Хотя она к совхозу не имела никакого отношения, там не работала и не жила. Он помог! Маме дали небольшую тёплую уютную квартирку, куда она переселилась. В своём родном доме жила только летом, занимаясь огородом. Я с чувством особой приязни и поныне вспоминаю этого доброго человека, откликнувшегося на зов о помощи. Алексей Фёдорович действительно слыл Человеком. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Работал, не жалея своих сил, забывая про отдых. Беспokoился о совхозе, выводил его в передовые в области. О людях, работавших там беспokoился. С народом был вместе, знал, кто чем живёт и дышит. Отвечал за всё, давал лжи и разгильдяям укорот. Укреплял в людях веру в жизнь, перед рвачами не трусил. До мозга костей был патриотом земли русской. Словом, до разрыва аорты работал и жил этот славный человек. Жаль, что рано ушёл из жизни. Сколько бы добра ещё принёс людям! Прах Алексея Фёдоровича покоится на кладбище Ключищинского косогора, такова была его предсмертная воля, а могли схоронить и в райцентре.

В тот сентябрьский день, когда я после отпуска, проведённого на родине, собирался уезжать, стояли мы с мамой у плетня огорода. У калитки рдела красными гроздьями рябина. Стояла теплынь, но почему-то она не согревала, и мне даже было зябко. Мама давала мне свои наставления, словно маленькому ребёнку, говорила тихо, но каждое её слово гулко ложилось в уши и проникало в душу. Губы её вздрагивали, глаза давно уже были на мокром месте, но она крепилась, как это было всегда при расставаниях с ней. Я ещё раз обнял мать и почувствовал как спазм подступал к горлу, а по лицу сползали слезинки. Смахивала кончиком платка свои слёзы и мама. Вдруг она меня перекрестила и положила в карман моей куртки иконку, тихо и с какой-то щемящей грустью, произнесла: «Ну, с Богом, сынок...». Мы расстались. Больше мать живой я уже не увидел. В мае 1997 года в Светлое Христово воскресение её не стало.

Вот такие люди были в моей родословной. Праведники и рыцари духа, учившие добру, труду, любви к жизни и всему живому. Жили по Божьим Заповедям и ставили их во главу всего добродейания. Это были бескорыстные и непритязательные люди, терпеливые, говорившие: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Это были люди совести и ответственности. Не в пример нынешнему рыночному времени (купи и перепродай подороже), разнузданному бомонду и пресыщенным благодаря чужому труду либералам-западникам, для которых Россия чужая страна. Мои предки — люди терпеливые верили в скорое лучшее будущее. Несмотря на трудности пережитого, были не озлоблены, по сравнению с людьми так называемых лихих 90-х годов, когда рухнула страна, люди возненавидели друг друга. Мои предки стояли за справедливость жизни. Любили семьи и свой дом. Достоинее нынешних разбогатевших на воровстве новых, вылезших из грязи, доморощенных «князей». Жили с Богом. Я любил их и эта любовь не проходящая...

Вечная им всем память!

* * *

Валерий Сдобняков.

Война оставила в душе глубокий след, хотя были вы в ту пору совсем маленьким мальчиком. Значит — многое запомнилось?

Николай Офитов.

Да, хоть был я малец, но забыть то время невозможно. Ведь война, по- существу, перевернула всю судьбу, переворошила, искромсала без-

жалостно, повела жизнь по-другому с рифами и обрывами дорогу. Мне тогда многое было не понять, куда «несёт нас рок событий». Только позже понял, что этот рок нёс нас к гибели, но наши люди не только защитили её, но спасли мир. Не будь этой проклятой войны, жизнь наша, несомненно, пошла бы иной стезёй, не было бы того страшного разрушения страны и гибели миллионов солдат и мирного населения. Фактически был истреблён цвет русской нации. И мы сейчас имеем то, что имеем. Вопрос стоял: «Кто кого?» Или нас враг сомнёт, превратит в пыль, прах, или победим мы. Иного было не дано. Потому брошены были все силы на отпор врагу. Тяжёлое и трудное было время, но люди не падали духом. В моём родном селе Ключищи все мужчины около сорока человек, ушли на фронт сражаться с напавшей на нас фашистской Германией, на стороне которой была фактически вся Европа. Мои сельчане, знаю, сражались с врагом до последней капли крови. В селе остались только женщины да дети, и ещё три старика. Никто не роптал, понимали, что надо помогать фронту, ведь там воюют их любимые мужья и сыновья, для которых в этот период важнее была жизнь Родины с их родными и свобода от фашистского рабства.

Тот день, когда началась война, ясно вижу и ныне. Накануне только что отсыпались, и радовались свалив как гору с плеч — посевную. В селе после окончания весеннего сева, всегда устраивали праздничное гулянье. Люди собрались в неподалёку расположенном от села лесу. Лилась звонкая песня, от плясок пятки трещали, играла гармоника отца, его сменил мой дядя Серёжа – лучший гармонист в округе. Лица светились солнечным светом, ничто не предвещало беды. Стоял тёплый полдень. Пахло душистыми травами, смолой сосен, всюду заливались трелью птицы. Вдруг послышались крики: «Вой-на! Вой-на! Немец напал на страну. Уже идут бои, враг перешёл нашу границу...». Всех как кипятком облило. Обгоняя друг друга, побежали в село. Я смотрел и ничего не понимал, что стряслось с людьми, почему побежали и, держась за руку матери, быстро семенил рядом с ней, а впереди быстро шагал отец, неся на руках трёхлетнюю сестрёнку. Кто-то диким голосом кричал: «Война, держи её за рога прокляту!» Отец высказал сомнение, всё ещё не веря, мол, это какая-то провокация, договор же о ненападении заключили с Германией. Об этом договоре он говорил не раз, гордясь нашей дипломатией. Правда, договор - «Пакт Молотова» помог нам оттянуть почти на два года войну с Германией. За это время удалось сделать немало для обороны страны. Но всё сделать времени не хватило. На следующий день отцу пришла повестка из райвоенкомата — на фронт. Ночь прошла в беспокойстве, взрослые не спали. А утром отца и ещё нескольких мужчин проводили, а к концу недели и остальных мужиков в селе, как, оказалось, навсегда. С того дня вся жизнь в селе пошла под знаком войны. Тыл наш стал вторым фронтом, без которого не могли бы сражаться с врагами наши солдаты. Мы — мальцы, а таких имелось здесь несколько человек, помогали матерям растить хлеб и убирать его, который чуть ли не до единого зёрнышка отправляли на фронт. Настоящего хлеба мы не видели, его нам заменила картошка, выращенная на огороде. За счёт её и выжили. Нас на руках у матери осталось трое. Я — старший, за мной сестрёнка, младшему братику — три месяца. Как только мама управлялась с нами и на работе в колхозе. Картофелину в руки — и в поле. Порой нас брала с собой. Ползая по стерне, -

*Мы теребили маму за подол,
Домой просились, очень есть хотели,
А мама отвечала нам, дожду,
Не то примчатся белые метели...*

Помогали бабушки — присматривали за нами, нянчились, наставляли уму-разуму, учили добру и любви к ближнему. Жили по Божьим

Заповедям и ставили их во главу всего добродетельности. Нарушать их считалось грехом, я это запоминал и впитывал в себя. Но тогда ещё многого не понимал, но с возрастом понял, что бабушки были правы. Ведь от отступления от Божьих Заповедей и случается на Земле разор. Если бы их соблюдали, то зла, всякой вражды между людьми не было бы. На Земле царили бы дружба и любовь. Мы росли в любви, уважении к старшим, к своим родичам. Потому-то с особой симпатией и любовью вспоминаю свою бабушку Пелагею Степановну, богомольная, без всякого притворства и лукавства, она желала всем только добра и согласия. «Не ругайся, не сквернословь, не бери чужого, не оскверняй душу табаком и вином, не верь бесам и почитай Бога», - как заклинание повторяла она. Это не прошло даром. Моя детская душа впитывала её добрые слова о чести, справедливости, без чего не может быть человека, он превращается в зверя-дикаря, что наблюдается ныне в обществе. Вспоминая то время, отвожу низкий-низкий поклон маме, и, конечно, бабушкам, которые из кожи рвались, но оберегали наше военное босоное детство, чтобы ничего не случилось с нами плохого и мы росли здоровыми. До сытости и думать было нечего с скудным питанием, мы ходили в луга собирать щавель, прямо тут же эту кислотину, морщась, жевали, собирали пестушки. Так что витамины получали природные, луговой клубникой лакомились вволю. Иногда подкармливала бабушка Пелагея, и очень радовалась, что учусь в школе и не бросаю её. А надо сказать, что учиться я пошёл уже восьмью лет. Не было обуви и соответствующей одежды. Не босиком же и раздетым ходить. Учитель начальной школы из нашего села Дмитрий Фёдорович Масанов подарил мне синюю рубашку, я сиял от радости. Обувкой стали баллонные калоши, склеенные из камеры колеса автомобиля, которые приобрели у заходящего мужика за ведро картошки. Придя в школу, буквы я уже знал, так как бабушка читала по слогам свой Псалтирь, и говорила, как называется та или иная буква, и я запоминал. Уже, освоив в школе чтение, бойко читал вечерами тот самый Псалтирь бабушке, и она, всё крестясь, повторяла, какая правдивая книга, Бог ложь не терпит. Ты, внучек, её не терпи, говори только правду, на ней живи. Эти её святые слова навсегда осели во мне, на правде и живу, за неё ратую. Без святой правды, не будь которой, мир давно переродился бы на Земле, наверно бы жили только одни звери, если не перегрызли бы друг друга. Нашей планете противна ложь, обман, мошенничество и пиршество богатых за счёт бедного люда, вот и стала она всё чаще и чаще возмущаться непристойными действиями людей, то страшные землетрясения сотворит, то нагонит ненароком цунами, то пожары, в огне которых сгорает всё живое, или тропической жарой и засухой, или ливнями и потопами. Не хочет терпеть глумления над собой, предупреждает землян о ещё более опасных катастрофах, которые могут принести действия неразумных людей. Потому-то и надо беречь Землю — нашу кормилицу и поилцу, главное наше пристанище. Без него мы погибнем.

В школу я ходил с радостью, невзирая на все тяготы той жизни, познавал там много интересного, хорошего и плохого. До средней школы из нашего села до райцентра Большое Мурашкино, напрямую, через глубокий овраг, поле, минуя деревню Тыново, и снова поле и прибрежный луг вдоль реки Сундовик считалось 7 километров. Каждое утро, вставая чуть свет и что-то быстро поев, я в любую погоду проделывал этот путь туда и обратно. Жарился под солнцем, попадал под ливень и грозу, крутился зимой вместе с метелью, завывающей волчьим голосом, Дороги или тропы было не видно, шёл наугад, случалось, сбивался с пути, но к дому приходил, где обеспокоенные мама с бабушкой собирались уже меня искать. Особенно запомнилось одно половодье, в которое едва не утонул, да Боженка спас. Учился я в шестом классе. В конце марта отпустили нас на каникулы. Стояло весеннее распустье. С крыш, ис-

крясь в солнечных лучах, стекала капель, бежали звонкие ручьи. Домой пришлось пробираться по раскисшему просёлку, часто проваливаясь в снежно-кисельное месиво. Валенки с калошами промокли насквозь и отяжелели, стали пудовыми гирями. Сухого места нигде не было, и я шёл по воде, местами до колен. Приходилось снимать обувь и выливать из неё воду. Но стоило шагнуть вперёд, как валенки снова наполнялись ледяной водой. Наконец я подошёл к оврагу, от которого до родного селения было рукой подать, виден был отчий дом. Сердце забилося сладостно и тревожно. Вот он, мой дом, но предстояло преодолеть неистово бурлящий глубокий и широко разлившийся овраг. Летом он пересыхал, а теперь от талой воды вышел из берегов. Постояв в раздумьях, шагнул в его пучину, надеясь перебраться на свой берег, и тут же оказался по горло в пенящейся воде. Испуга ещё не успев почувствовать, замахаля руками, поплыл, пытаясь выбраться на берег, но бурлящий поток затягивал обратно в свою круговерть. Всё же я, каким-то чудом выбрался, наверное, на сей раз помог Бог, как уже выручал до этого из сложных и опасных ситуаций, не дав утонуть, а ведь мог. Вокруг гаддели грачи, приводя в порядок свои гнёзда на старых вётрах в саду. Несмотря на ледяную воду, холода я не чувствовал, видимо, к нему привык за долгое странствие по воде. Но овраг-то надо было как-то преодолевать. Пошёл вдоль него в поисках более безопасного брода и нашёл. Тут овраг делал крутой поворот, вода текла тихо, слегка убыстряя своё течение к противоположному (моему) берегу. Раз течёт не быстро, значит, здесь не глубоко, думал я. Спустился с бугра к воде с длинной палкой, неведь как оказавшейся в руках, измерил глубину, слегка робея, шагнул в воду, она касалась моего живота, и когда оставалось до берега сделать пару шагов, меня всё же сбilo с ног хлёсткой волной. Я пластом свалился в воду, касаясь животом дна. Тут было мелко, и сразу поднялся на ноги, вышел на берег и побежал во всю прыть с промокнутой тряпичной сумкой с учебниками и тетрадями домой. С одежды текло, как будто я был фонтаном. Когда вошёл в дом, мама с бабушкой испуганно ахнули, крестясь, смотрели на своё чадо, как на привидение. Охи — вздохи, причитания. «Моли Бога, что не утонул, а мог бы, — произнесла бабушка, крестясь. — Как только перешёл? Это Боженька тебя спас...» Тонуть мне приходилось ещё дважды, осенью, когда стояла оттепель, уходил под лёд на реке, но выбирался.

Как давно это было. Но через толщу времени то далёкое видится ясно, словно оно только что произошло. Память раскручивается, как рулетка, высвечивая один за другим эпизоды твоей жизни. Вспоминается поле с турнепсом. С двумя мальчишками надёргали мы в поле несколько сочных кореньев, хотели полакомиться вкусным овощем. Нас увидел колхозный счетовод, вернувшийся с войны калекой, привёл в контору. Сделал внушение, чтобы больше не дёргали, разрешил взять по одной штуке турнепса, и отпустил на все четыре стороны. На ключе его помыли, и каким сладким казался этот корнеплод, что хотелось ещё, но больше за ним мы не ходили. Данное слово «не ходить» было для нас законом. Электричества в селе не было, пользовались коптилкой — фитиль, опущенный в лампу с керосином. При этом свете, почти в полумраке, я читал, писал, готовясь к урокам в школе. Иногда пользовались свечами, которые, не зная с каких пор сохранились у бабушки от посещения церкви, в которой служба уже не велась — была закрыта властями, стояла облезлой от непогоды и людского непригляда как неприкаянная. Стоит заметить, что было трудно с топливом. В основном отапливали дом соломой, в ход шли сосновые шишки и картофельная высушенная ботва. Но порой данной в колхозе соломы не хватало. Наши матери шли за ней в поле, специально выбирая тёмную ночь, да лучше вьюжную, когда ни одна собака нос на улицу не покажет. Всё же опасались, кто бы не увидел, не донёс в милицию. Ходил с мамой и я.

*И с поля нёс охапку в темень,
Себя пытаясь подгонять.
И вяз по самые колени,
И силы не было шагать.
И я не мог остановиться,
Хотя бы дух перевести.
И всё читал, бубня молитву:
«О, Боже! Помоги, спаси...».
Тогда хватали без стеснения –
Могли и угодить в тюрьму.
Пурга для нас была спасеньем,
Шагали к дому своему...*

Давно умчались вдаль былые годы, а память неотступно сопровождает тебя по своим лабиринтам и не даёт забыть. Да разве можно забыть то, как мы по весне, когда запасы картошки кончались, выкапывали в поле гнилую картоху, неубранную осенью, из неё мама пекла так называемые саргашки (вполне съедобные, ведь голод не тётка), собирали жёлуди, жаль мало было в лесу дубов, грибы, ягоды, корни лопухов откапывали, пользовались лебедой. Но главным лакомством была сушёная свёкла, с ней пили чай — другой сладости у нас в войну не было. Сахар появлялся случайно, если бабушка выменивала его на что-нибудь из своих вещей на рынке. Помню, как в сентябре возвращался из школы домой. Очень хотелось есть, в животе урчало. Саргашку и хлеб — вязкое сырое картофельное месиво, в котором муки была, наверное, пятая часть, а может, и той не было, я съел на перемене. После такой еды тошнило. Ближе к дому, у оврага, свалился у кромки поля, то ли от недосыпа, вставал рано, ведь дорога до школы неблизкая, то ли ещё отчего. Тут почему-то остался не сжатым угол поля, где я и оказался. Не знаю, сколько времени лежал, свернувшись калачиком, дремал. Очнулся, почувствовав, что кто-то щекочет меня по лицу, в ноздри лезет душистый запах хлеба. Я глотал этот запах и не мог наглотаться. Так был вкусен, не понимал, откуда он, но чувствовал, что какая-то сила появилась в теле. Приподнялся и увидел вокруг себя спелые колосья ржи. Сорвал несколько колосьев. Это они щекотали меня, от них исходил спасительный запах настоящего хлеба — запах жизни. Вышелушил, пожевал и проглотил. Потом, ещё и ещё. Вскоре я стоял на ногах. Ароматный, тёплый запах вкусного хлеба обволакивал и ласкал, было сказочно хорошо, сладко. Не зря же говорится издавна, что хлеб — всему голова. Без хлеба — смерть, хлеб — дар Божий, батюшка, кормилец. Он, хлеб, впитав в себя силу земли, отдаёт её нам, людям. Когда ныне вижу на земле или в мусорных баках брошенные батоны, булки, становится не по себе, горько за наше поколение, сытые стали, не берегут люди, особенно молодёжь, своего кормильца, без которого не счесть умерших в блокадном Ленинграде и в других местах нашей планеты. Мы - «дети войны» чего только не ели, чтобы выжить в те страшные годы, когда страна боролась с лютым врагом за своё существование и независимость. Да и после окончания войны ещё несколько лет жилось нам не сладко, то — не урожай, то ещё чего. Снова питались картошкой, прозанной «вторым хлебом». До десятого класса я не держал в руках куска настоящего хлеба. А в это время, когда население страны голодало, наша власть огромным потоком отправляла продовольствие, другие товары самолётами в страны Восточной Европы. Вот, мол, какие мы добрые, пользуйтесь на здоровье, не держим на вас зла за то, что вы фактически воевали, трудились на благо, во славу фашистов. Заводы «Шкоды» производили танки, румыны для этих танков добывали нефть, в составе армии вермахта находились чешские, польские, румынские, венгерские солдаты убивали наших воинов, мирное население, разрушали города, селения. Это стало известно недавно из рассекреченных военных архивов. ФРГ их сохранила и пере-

дала России. Семьдесят с лишним лет молчали, скрывали от нас историческую правду. Надо было об огромной советской помощи говорить громко и ежедневно все эти годы, чтобы люди Восточной Европы, особенно, молодые, знали, что их спасли от фашистского рабства, голода, холода «русские агрессоры или оккупанты», как нас теперь называют, грозя новой войной и окружая со всех сторон войсками НАТО. Так что молчание не всегда, как говорится, золото. Себе только навредили, плохо воспитывали новое поколение европейцев, которое ныне называет русских «агрессорами», превратилось в вандалов, круша своим освободителям — воинам Красной Армии памятники, возводит на их месте монументы предателям и явным нашим врагам.

В Великой Отечественной войне мы победили, а вот в информационной войне начисто проиграли и продолжаем проигрывать сегодня. Понюхе не все архивы открыты, если что-то там ещё осталось, ведь многие документы по чьей-то злой воле напрочь уничтожались. О нашей Победе, о продовольственной помощи побеждённым, о преимуществах социализма, молчали, словно в рот воды набрали. Получаем теперь вместо благодарности на свою голову тумачи и шишки. На Западе, оказывается, всё было давно известно и досконально изучено. Но историческую правду утаивали, людям о ней не говорили. Теперь западные политики, вернее, политиканы, обнаглели до такой степени, что вмешиваются в дела нашего государства, диктуют что нам делать и как. Что ж? Бог им судья. А нам суровый урок не утаивать истину и правду, чтобы не проигрывать информационную войну, иначе будет худо, можем кончить плохо. Твёрдость и непреклонность были свойственны нашим предкам, потому они и создали великое сильное Российское государство. Это надо не забывать, поддерживать всё русское, тем более — государственные интересы России, которые были сданы вражескому отрепью в 90-е годы 20-го века. Я тому — свидетель. Но вернусь к своему военному детству. Хоть не сладким оно было, но окрашивать его только в мрачные тёмные тона грех, недостойно истинного сына России. В нём были светлые полосы. Большая радость — выбежать на зорьке на улицу и отправиться с удочкой на речку, которая рядом, сесть на бережок под ветлой или ивовыми кустами, закинуть сплетённую прочную леску из волос конского хвоста, и наблюдать за клёвом рыбы. Потом, когда наступал зной, уже не клевало, с радостью ныряли в воду. Так всё лето, мы — мальчишки, барахтались в реке, она для нас была глубокой, поскольку её перепруживали, на ней стояла мельница, где молили зерно. Интересно наблюдать за его помолом, превращением в муку. Ныне река стала бесхозной, обмелела, превратилась в ручей, и заросла густым кустарником. Приходила зима с трескучими морозами, наметая большие высокие сугробы. Мы брали санки или вставали на лыжи с ремённым или верёвочным креплением, катались с гор, а они здесь крутые, разогнавшись на бугре, лихо неслись по спуску, порой прыгали с кручи, как с трамплина. Приземлялись под крик и визг детворы. Шапок на нас уже не было, в снегу, на поседевшем лугу, казались белыми лебедями. Это не забывается! Домой, случалось, нёс синяки и шишки. Вздыхала мама: «Дитяtko моё, так и разбиться можно...». Летом, в школьные каникулы, мы — ребяташки работали в лугах — безотказно помогали матерям убирать высохшее сено в стога. Сядешь на холку лошади, и везёшь на хладу большую копну сена. Пахло медвяными травами, взор ласкала красота природы. И это помнится!

Сейчас, нет-нет да и охватит тебя ностальгия, и ты снова с интересом заглядываешь в своё детство, кажется, что лучшего времени не было. С чего бы? Почему порой так нестерпимо хочется убежать на свой, тот, заснеженный косогор? Может быть, всё тогда было иначе, чем сейчас. Люди были другие: совестливые, незлобивые, добрые. Нынешнее дикое рыночное время изменило людей, особенно молодое поколение. Нас воспитывали по Божьим Заповедям, приучали с ранних лет к тру-

ду. В деревне лентяев презирали. Труд же породил и кормит человека. Бездельники были экзотической редкостью. Нас учили добру и труду. Ценили умение и знание, было радостно водить в поводу лошадь, питать сострадание к слабым. Жили с Богом, никто у нас не хитрил, души были открыты. В селе жили единой семьёй, беду разделяли вместе. Встречали по добрым делам, это окрыляло. Оглядываясь назад, видя нынешних разряженных упитанных детей, невольно думаешь: «А счастливы ли они, чем были в детстве мы?» Сейчас дети в развитых странах имеют практически всё для достойной жизни: множество разных игрушек и развлечений, медицинское обслуживание, гаджеты и прочую развивающую технику, всевозможные школы, кружки. Интернет засоряет мозги, а у нас его не было, мы читали книги и, кажется, знали больше об окружающей среде. Я полагаю, что материальное изобилие негативно сказывается на морально-нравственных ценностях. Старшее наше поколение считает, что дети в Советском Союзе, жившие при материальном дефиците, не подвергались всяким соблазнам, были более счастливы. Ныне всё бранят и критикуют советскую идеологизированную систему, но мы — дети в СССР мечтали не о большом количестве денег в кармане родителей, как бы нам побольше досталось, а о скорейшем наступлении коммунизма, хотя толком не понимали, что это такое, с чем его едят. Многие думали, что тогда все будут иметь всё для нормальной жизни. Ещё сознавали, что манна с неба сама по себе не упадёт, на благо страны придётся работать на заводах и фабриках, в колхозах и полях, засучив рукава, или заниматься чем-то другим. Это никого из нас не пугало, так как от природы мы имели искреннее желание трудиться, как наши родители, которые не поощряли лень, не говоря уже о том, что тогда существовала статья за туеядство. Собственный велосипед был далеко не у каждого. Никто из нас не устраивал истерик, получить ту или иную вещь, значит так и должно было быть. Дети в СССР хотели стать героями, иметь профессию, которая была бы им по душе, приносить пользу Родине. Мечтали быть лётчиками, механизаторами, пожарными, милиционерами, чтобы охранять покой граждан, бороться с преступностью. Мечтали, особенно, девушки, стать врачами, учителями. Все, за редким исключением, работали по специальности, не как ныне, лишь бы где-то устроиться, чтоб не остаться без копейки денег. Сегодняшним детям мечты и дела их родителей кажутся странными, которые не стремились быть банкирами или владельцами собственных газовых и нефтяных скважин, владеть прочей собственностью, приносящей им большие капиталы. Я и мои сверстники — дети войны не грезили о дорогих, брендовых вещах, о сотовых телефонах, большинство нас желали служить стране и приносить пользу людям, оберегать её от врагов, не давать в обиду. Так кто из нас был счастливее: мы или наши потомки, бегущие за своей мечтой? Пусть на этот вопрос каждый отвечает сам, в силу его нравственности и совести. Конечно, назад в СССР дороги уже нет, но я родом оттуда, никто меня не убедит, что сейчас, при капитализме, лучше. Если мерить жизнь на шмотки, колбасу, которая ныне без мяса и потребительские кредиты — тогда да. Но до ликвидации Советского Союза мы были совсем другими — совестливыми, за рубеж не бежали, служили верой и правдой своей стране. Наше счастье состояло из крохотных, вроде не заметных с первого взгляда, радостей. Кусок настоящего вкусного хлеба без всяких добавок, какой пекут ныне из фуражной муки, пирожок с мясом за 10 копеек, ну, а если кто попадал в город — мороженое в вафельном стаканчике за копейки. Новая рубашка со штанами, ботинки — это было настоящим праздником! Шкаф шмотками забит не был — да и не износишь всё — подрастёшь — мало будет.

Наши предки, испытав сполна лиха и невзгод, из искры раздували пламя, «не требовали заслуженных наград, в огне войны сторая». Нас — своих детей учили жить честно, без лжи. Так мы и жили. Восстанавливали со взрослыми разрушенное войной хозяйство. Строили новые города,

заводы в необжитых местах, домны, суда, прокладывали дороги. Бурили скважины, проводили время на вечной мерзлоте — открывали нефть, газ. Теперь на этой народной собственности наживаются капиталисты — олигархи. И что печально, они «требуют свободы от труда и прав на даровые западные блага». В заключение скажу, нас «детей войны», к которым принадлежу я, Кремль, видимо, забыл, или плохо знает и не хочет знать, кто такие «дети войны», хотя ему много раз о них говорили и напоминают, и о чём говорил выше, как мы переживали тяготы войны и что делали в это лихое время. Не признаёт власть нас — ныне уже пожилых людей, нуждающихся в дополнительной заботе государства, живущих на не большую пенсию в условиях постоянно растущих цен и тарифов на продукты, лекарства, на коммуналку. До сих пор игнорируется принятие закона «О детях войны». Депутаты Госдумы «Единой России» голосуют против него, их там, к сожалению, подавляющее большинство. Вот так-вы «народные» избранники! Плевать они хотели на нас - «детей войны», благодаря которым живут в своё удовольствие. Нашему президенту не знать ли об этом игнорировании, многократном отклонении федерального закона «О детях войны» Госдумой РФ — бесчеловечно. Не об этом я думал, когда 9 мая 1945 года узнал от учительницы, что война с фашистской Германией закончилась нашей Победой, радостный бежал из школы домой сообщить об этом дома (радио и теле не было) и сельчанам, выплакавшим все свои слёзы от приходивших с фронта похоронок. Постоянный страх за нашу жизнь прошёл, вселялась уверенность, что никогда не повторятся больше пережитые нами военные невзгоды, страдания и горе. Так закончивалось мое полугодовалое босоное детство, о котором я немало рассказал и в своей книге «На Ключищинском косогоре». Но разве сразу обо всём поведаешь, что пришлось пережить, испытать в то время. Память хранит и другое, о чём, может, ещё расскажу. Ведь детство от меня никуда не умчалось, а босым мальчишкой в кладовой памяти осталось. Нет-нет и напомнит о себе вдруг светлым, добрым, таким теплом повеет на тебя дыханием матери, и кажется, уткнулся лицом в подол её ситцевого платья. Стоим с ней долго-долго, она гладит обеими руками то по голове, то касается плеч, целует, и становится так хорошо, сладостно. Тут сельчане появляются, о чём-то говорят, улыбаясь. Невольно хочется

*Вернуться бы снова назад,
В своё босоное детство,
Где травы щипала коза,
Где жили сельчане без лести.
Ложились они рано спать
С молитвою, кланяясь Богу.
И вместе с зарёй шли пахать,
По полю шагая за плугом.
Где только творили добро,
Ценили умелые руки.
Ленивых в селе не росло,
Никто не страдал здесь от скуки.
Никто не хитрил, не юлил,
И горе друг с другом делили.
Я росное утро любил,
И зорьку с пастушьей свирелью...
Увы! Нет родного села,
Лишь тополь стоит на пригорке.
Но память моя не ушла,
И сердцу становится горько.*

Да, время не пощадило родное селение. В Кремле, когда там властвовал кукурузник и авантюрист Никита Хрущёв, сочли его неперспективным, как десятки тысяч сёл и деревень в стране, их, с лёгкой руки

властей не стало. Люди, скрепя сердце, а кто в слезах, уходили и уезжали кто куда мог. Было горько сознавать, как они покидали свои родовые гнёзда, прорывая свои корни.

* * *

Валерий Сдобняков.

Ну вот закончена школа, служба в армии, затем техническое училище. Как же жизненная дорога привела к журналистике, к сотрудничеству в районной газете?

Николай Офитов.

Как привела? Жизнь, конечно, не простая штука. Человек думает об одном, хочет стать тем-то, а судьба вдруг толкает его совсем на другой путь, к иному делу, о котором до этого и не ведал. Так случилось и у меня. После окончания средней школы служил в Советской Армии в авиационном полку, освоил военную специальность стрелка-радиста. Дело было в Спасск-Дальнем Приморского края, это между Хабаровском и Владивостоком. Попутало меня вести дневник, куда записывал свои разные впечатления о службе, о хождениях в самоволку с приятелем-москвичом, нелестно отзывался о старшине. Дневник хранил в тумбочке, или оставлял под подушкой своей кровати. Во время очередного шмона, старшина его обнаружил, о чём стало известно командованию. В армии, оказывается, вести дневник было запрещено, а я этого не знал. После чего, была проверена вся моя переписка с родными и знакомыми, но не найдя в писаниях ничего крамольного, кроме отрицательной оценки старшины, повели на ковёр в штаб войсковой части. Там со мной долго беседовали, отметив, что я хороший радист и спортсмен (занимался лыжным спортом), но дневник в армии вести нельзя, может попасть, мол, в руки шпионов. Наказывать не стали, отпустили. С тех пор ничего больше не писал, даже письма стал писать редко. Когда заканчивалась служба, предложили учёбу в военном училище, но я отказался, вернулся домой. Какое-то время работал в колхозе, затем поступил в Абабковское техническое училище сельской электрификации под Павловым-на Оке. Закончил учёбу с отличием. Работал в Горьковском строительном-монтажном управлении связи. Изъездил почти всю свою область — занимались телефонизацией, радиофикацией сёл и деревень. Бригада небольшая, дружная, старались, каждый хотел оставить о себе добрый след. Народу пришлось увидеть разного всякого. Но что удивительно, почти все, с кем встречался, были просты, отличались радушием, душевной теплотой. Когда уволился из областного монтажного управления, стал трудиться на родине в Большом Мурашкине в конторе связи монтёром. Почитывал местную газету «За большевистские темпы» и отмечал, как мало пишется о тружениках-крестьянах, главных наших кормильцах. Статьи казённые, малоинтересные, сколько вспахали, посеяли, сжали, убрали, надоили молока. За цифрами было не видно истинного сельского труженика, чем он живёт и дышит. От него требовалась только работа до седьмого пота, он не знал никакого отдыха, на курорты не ездил, исправно платил налоги и получал гроши. Выручало личное подсобное хозяйство. Как же так? Честно трудится, а живёт не богато, и всё твердит «лишь бы не было войны». Не ворует. Боже, упаси! Он скорее умер бы, чем воровать, обманывать и жить во лжи. Люди в селе, которые меня окружали, были чистосердечны, лжи боялись, как огня. Не лгали даже в пустяках. Ведь ложь оскорбительна для слушателя и в глазах говорящего опошляет его. Что было примечательно, сельчане не рисовались, держали себя одинаково на улице и дома. Пыли в глаза не пускали, пустой болтовнёй не занимались, с откровенностью не лезли, когда их не спрашивали. Жалея и уважая чужие уши, они обычно молчали. Не бередили струны чужих душ, не хотели, чтобы в ответ им сочувственно вздыхали. Они не суетились, вели размеренный образ жизни, за бриллиантами не гнались, лишь бы был румяный и вкусный каравай хлеба на

столе. Для работы эти труженики жертвовали своим покоем. Я всё чаще задумывался о том, что крестьянин же хозяин земли, её обрабатывает, собирает урожай и тем самым кормит людей. Потому-то и должен был жить безбедно по сравнению со своими надсмотрщиками из райкома партии, трепавших только своим языком, как помелом. Это мне стало хорошо видно, когда трудился на журналистской ниве и воочию встречался с этой публикой, умеющей приказывать да удовлетворять свои бытовые желания и потребности. Продолжая работать связистом, бывал во всех селениях района, встречался с людьми, видел их нелёгкую жизнь, и рука невольно потянулась к перу, перо к бумаге, как когда-то в армии к дневнику, написал заметку об одном пахаре, потом о нашем пастухе, их опубликовали, да ещё с фотографиями, которые делал сам. Не мог нарадоваться, несколько раз перечитывал свои печатные строки. Приятно было видеть свои публикации. Газета меня увлекла. Стал писать о людях труда постоянно и о том, что волновало, не давало покоя. Конечно, не всё можно было писать, партийцы из райкома зорко следили за своим информационным печатным органом — газетой. Естественно, критика в их адрес не проходила. Но меня занимали больше труженики, о них и писал. Все они отличались трудолюбием и своей какой-то особой святостью, жаждой жить справедливо, не бросать никого в беде, приходиться, в случае необходимости, друг другу на помощь.

И тут в редакции заболел сотрудник, ведающий делами сельского хозяйства. Тогда редактор газеты, обсудив мою кандидатуру с райкомом партии (без него было никуда), пригласил меня на его место, пока он не выздоровеет. А писал он, по правде сказать, сухо, не затрагивая души и характера человека, голую сводку. Вот тут-то я и развернулся. Стояла зима. Машины в то время редакция не имела, добирался до селений пешком или на лыжах, иногда на попутной лошадке. Писал статьи, репортажи, заметки, очерки, которые занимали часто целые полосы да с фотографиями своих персонажей, будь это механизатор, доярка или полевод, отдающий делу всего себя, лишь, как пелось в песне, жила бы страна родная. В большинстве своём это были женщины, мужики-то почти все полегли на войне, в работу впрягались женщины-солдатки, взвалившие на свои плечи мужскую непосильную работу. Их менее всего волновал собственный желудок, жили с заботой о делах своего колхоза и селения, да ещё о своих детях. Русская женщина оставалась пока главной силой. Вот кто истинный победитель в войне с фашистами. Ей надо поставить было памятник на самом видном месте среди поля, да отлить его из золота. Ну, не из золота, хотя бы из бронзы, так нет, до сих пор не поставили. Русская женщина заслуживает самого достойного памятника. Она держала второй фронт, который был, пожалуй, наиглавнейшим в войне, открыт он ею ещё в 1941 году, когда началась война. Не будь его, неизвестно как повернулся бы ход страшной войны. Я писал об этом. Все со мной соглашались, поддакивали, но дальше слов дело не пошло. Может быть, нынешняя власть всё же снизойдёт до такого памятника и поставит его, чтобы восстановить справедливость жизни. Ведь в войну всё держалось на русской бабе, как подчёркивал в своих творениях замечательный русский писатель Фёдор Абрамов, да я и сам всё это видел и выстрадал, взрастал-то вокруг и среди наших матерей и бабушек, трудившихся ради Победы, не жалея себя.

Прошло почти два месяца моей работы в газете. Больной сотрудник за это время выздоровел, мне надо было уходить. А я уже всей душой прикипел здесь, покидать газету не хотелось. Главный редактор Николай Григорьевич Мартынов (родом из Городца) мило поговорил со мной и на прощание, обнимая, обронил: «Жаль мне расставаться с вами, Николай. Очень жаль. Однако, свободной должности нет. Но не унывайте, время, оно, изменчиво, сегодня так, а завтра может быть всё иначе. Никто из нас здесь не вечен. Но я верю, вы вернётесь в газету...» И как в воду смотрел. Да я и сам уже всё больше думал о журналистике, работая в

конторе связи, продолжал пописывать о нашей сельской жизни. Мечтал об учёбе в МГУ. Хотя добрые люди, зная меня, бескорыстно предлагали учиться в других вузах. Как-то повстречались мы с известным в районе директором совхоза Машихиным, он, увидев меня с железными ногтями в руках, с помощью которых я быстро взбирался по телеграфным столбам, чтобы скрепить порвавшийся или протянуть новый провод, он вдруг спросил, указывая взглядом на ногти: «Не надоели? Хочешь, пошлю тебя в Москву в институт культуры, учиться будешь за счёт совхоза. Через пять лет вернёшься...». Известный председатель колхоза «Память Ленина» Пётр Соколов, о котором упоминал выше, горел желанием послать меня в Горьковский сельскохозяйственный институт учиться на агронома и тоже за казённый счёт. Моя непосредственная начальница конторы связи района серьёзно вела со мной разговор о моей учёбе в столичном институте связи за счёт нашей конторы. Она, мол, скоро уйдёт на пенсию, я, вернувшись после учёбы, займу её место. Всем отказал, как отказал партийным чиновникам райкома, предлагавшим работать у них на идеологическом фронте. Я тогда был членом КПСС (сагитировали по-молодости) на партийном поприще можно было сделать высокую карьеру. Но что не влекло, то не влекло. Душу тешила лишь журналистика да литература.

В то время я стал задумываться о своём пребывании в партии. Зачем я в ней, для чего? Когда всё заметнее становилось, что партия с приходом во власть Хрущёва стала перерождаться, в неё хлынул поток разных людей-хамелеонов, особенно из троцкистских отпрысков только ради карьеры и тёплого местечка, а вовсе не ради коммунистической идеи «каждому по способности и делам его». Это стало меня задевать, таких коммунистов я презирал, которые беспокоились только о своей шкуре и выгоде. Впоследствии я всё же выйду из КПСС, но об этом скажу ниже. Конечно, не все были в партии проходимцами и хамелеонами. Настоящих коммунистов было много, но их оттирали, убирали с пути всякие коммуняки, не пускали наверх своей партийной пирамиды. Партия с такими руководителями с каждым годом продолжала терять своё лицо, деградировала. Иначе, у её руля не оказывались разные оборотни-партократы и прохвосты, зомбируя народ своими реформами сделать его жизнь лучше. Одной из таких реформ явилась с подачи Хрущёва реформа по укрупнению районов (после они снова станут самостоятельными). Наш Больше-Мурашкинский объединился с Перевозским, Бутурлинским и Вадским районами, центром выбрали Перевоз, где стала издаваться газета «Новый путь».

Написав несколько материалов на разные темы, приложив к ним фотографии, отослал всё в редакцию газеты. Через некоторое время получаю приглашение главного редактора Василия Ивановича Макарова на беседу. Встретились. Человек обаятельный, весёлый, добр, хороший семьянин и, как показалось, смел (так оно и было на самом деле, за что его потом уволят, не критикуй, мол, райкомовское начальство, оно же всегда «право»), предложил мне должность фотокорреспондента и чтобы писал, другой свободной вакансии в редакции пока не было. Предложение редактора принял охотно. Распрощавшись с конторой связи, где меня уговаривали остаться, да и оклад-то здесь был выше, чем оказался в редакции, с головой ушёл в беспокойную работу газетчика. Писал много и о разном, о хорошем и плохом, об истинных тружениках-патриотах и тунеядцах, о бесхозяйственности некоторых руководителей колхозов и совхозов, где хромала дисциплина. За критику нажил в их лице недругов. Но я не с потолка же брал материалы о делах в хозяйствах, писал о том, что было на самом деле. Каждый мой критический материал разбирался на заседании райкома партии, там, как я узнавал, меня вспоминали не добрым словом, такой, мол, сякой, чернит нас. Если бы я что-то или кого-то оклеветал, то могли дать по шапке, но придраться было не к чему, я писал только неопровержимую правду, хотел людям

только добра. Посещал руководителей хозяйств не однажды, и никакой неприязни с их стороны не испытывал, все относились по-дружески, перво-наперво ставили на стол бутылку с вином и закуской, так было принято встретить корреспондента, задабривать его и спаивать, чтобы он писал только положительное, расхваливал хозяина до небес. Но я был человеком иных убеждений и неподкупен, к тому же непьющий, отодвигал стакан в сторону, просил показать хозяйство, рассказать о делах и людях. Однажды написал об одном жулике, да умудрился незаметно сфотографировать этого типа. И вот сын его, только что освободившийся из тюрьмы, с криком и руганью влетел в редакцию, требуя опровержения. Грозился, ругался. Пришлось вызывать милицию и его посадили на 15 суток. Как-то, уже зимой, качу я из одного села полевой дорогой домой. Этот человек – навстречу. Вокруг никого, лишь белое безмолвие. По спине пробежала дрожь. Остановились, стали разговаривать. Вспомнил тот неприятный случай в редакции. Я сказал, что моя миссия исправлять нравы людей, чтобы они жили по законам, не теряли себя, не попадали на нары. После долгого разговора мирно расстались. А ведь могло быть иначе. Но он даже предложил свою защиту, мол, кто будет обижать, сказывать ему, он быстро их поставит на место. Немало было и других разных встреч и случаев за три года. Считаю, время провёл плодотворно, с большой пользой для себя. Отсюда, из Перевоза, я уезжал в Москву, поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова, в котором окончил факультет журналистики.

* * *

Валерий Сдобняков.

Учёба в Московском государственном университете — это был переломный момент в вашей жизни?

Николай Офитов.

Я не сказал бы, что учёба явилась коренным переломным моментом для меня. Да, я попал в столицу, в другое для меня общество — студенческое, с раскованными и бойкими москвичами, но ближе по взглядам на жизнь и привычкам были мне ребята с периферии, с ними я дружил, оставаясь по своему мировоззрению крестьянским сыном. В беседах с москвичами нередко подчёркивал, что с деревни началась Русь. Этим неимоверно гордился, не скрывал своего происхождения. Если кто-то плохо говорил о деревне, давал отпор, разговора на подобную тему больше не возникало. А кичиться своим столичным величием могли и могут только глупцы. Мне не нравилось, когда некоторые студенты хвалили западную жизнь, плохо говорили о И.В. Сталине, вымарывая из истории его имя, как это ныне делает бездарная и чужеродная наша власть. Имя Сталина должно находиться в истории вместе с выдающимися людьми на самом видном месте. Да, он бывал жестоким. Но для него, наверное, это был единственный способ в то время достигнуть могущества и независимости для своего государства, его процветания в окружении многочисленных врагов и недругов как извне, так и внутри страны. Иначе нас не существовало бы. Не надо стесняться этого великого имени. Время показало, что Сталин был великим государственным деятелем, каких ныне нам очень не хватает, чтобы твёрдо отстаивать себя в мире золотого тельца. Он беспокоился и заботился о своей Родине. Ведь это же позор, когда во время парадов на Красной площади в Москве задрапировывают мавзолей Ленина, отмечая Победу над фашистской Германией именем Сталина даже не упоминается. А победа-то над фашистской Германией была одержана благодаря его руководству. Жил очень скромно, капиталов не копил. Давно надо бы понять, что человеческая жизнь у нас обесценивалась вовсе не Сталиным, а нашими недругами ещё с времён царской власти. С нынешних позиций нельзя судить то, что было век назад. Неужели власти не стыдно так себя вести?! Опускаться до троцкистского мышления вредно и опасно для дальнейшего существования

России. Надо защищать свою честь и свою правду, а не опускаться до Иванов, не помнящих родства. У нас замечательная и богатая история, большие достижения. Об этом надо говорить, а не замалчивать, заявлять с высокой правительственной трибуны, что «в Советском Союзе изготавлялись только галоши». Это же наглая ложь! И лагерями нельзя измерять историю СССР. Не отрицаю, они были, помнить об этом надо, но вовсе не они решали проблемы страны. Говорить надо какой была Россия и какой стала, что этому способствовало. Я в отличие от большинства сокурсников не приветствовал «хрущёвскую оттепель», называл её «хрущёвской слякотью». С неё и этого горе-правителя начался развал Советского Союза. При Хрущёве крушились церкви, в деревне у крестьян уничтожались приусадебные участки, определялись «неперспективные» селения, из-за чего начался исход крестьян по городам и весям. В райкомы назначались секретарями те, кто не дорожил прошлым страны, охаивал и чиховстил в пух и прах Сталина, стараясь выслужиться перед высшей властью, узурпированной Хрущёвым. Ему надо было как-то заявить о себе. Ведь Сталин одержал триумфальную победу над гитлеровской Германией и спас мир от коричневой чумы фашизма, пользовался любовью в народе. А он чем был знаменит? Непомерным честолюбием и репрессивными списками, которые подсовывал Сталину для «чистки кадров». Будучи в 1938 году первым секретарём ЦК Компартии Украины он писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17-18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более двух-трёх тысяч. Прошу принять срочные меры. Любящий Вас Н. Хрущёв». На что Сталин отвечал: «Уймись, дурак». Считаю, что приход к власти Хрущёва после смерти Сталина было великим несчастьем для России и особенно русских. Непомерно честолюбив, но малообразованный, он занял самый высокий пост в стране. Его раздражало, что той любви народа совсем не испытывал, какую имел Сталин. Выглядел по сравнению с ним тускло, пигмеем. За что бы не брался, какие бы не устраивал реформы, все они ухудшали обстановку в стране. Вот этот «любящий» и нанёс удар по славному покойному сопернику, опорочив его имя. Только как не старался с помощью агентов влияния, пристроившихся во властных структурах, работавших в интересах иностранных государств, останется в итоге, как та старуха из сказки о золотой рыбке у разбитого корыта.

В это время всю набирали силу и славу так называемые шестидесятники, собиравшие большие массы своих поклонников в различных аудиториях. Только и слышалось: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава... Многие были их страстными поклонниками, о них говорили взахлёб, а меня эти поэты совсем не привлекали, слишком были далеки от народа, не жили их судьбами, особенно Вознесенский со своими стихами-шарадами. Вирши Ахмадулиной тоже не привлекали, а Окуджаву — струнильщика на гитаре о «виноградной косточке в землю зарытой», освоившего один лад, считал посредственным поэтом. Как выяснилось позже, оказался Булат ярким ненавистником советской власти, а ведь пел о «комиссарах в красных шлемах». Значит, своё подленькое нутро скрывал, распевая и славя их... Евтушенко? Талантлив, но конъюнктурщик как и его товарищи. Они собирали целые стадионы молодой публики, выросшей на асфальте, будоражили и сеяли смуту своим охиванием нашего прошлого. Я не ходил на эти сборища, не хотел терять дорогое время, шёл в библиотеку и там занимался. Привлекали исторические труды Карамзина, Иловайского, Соловьёва, Ломоносова. За чтением вспоминал своих славных предков, создавших великую Русь, благодаря которым живём. Ни в какие группировки не лез, по питейным заведениям не ходил, где бы с кем не был, оставался самим собой. Но сначала заметно окол, поэтому признаку меня сравнивали с Максимом Горьким, да ещё за мои длинные и густые волосы на голове. К концу учёбы оканья словно и не бывало. Значит, в этой степени пребывание в университетском обществе влияние на меня оказало. Но всегда оставал-

ся на позициях русского православного патриота. Сейчас, оглядываясь в прошлое, понимаю, что воспитывался в семье, где блюлись трезвые патриотические взгляды и обычаи народной православной жизни. Определёющим стало то, что заложили семья и родители. Они привели меня к православной вере, воспитывая в духе любви к Родине, к России, к её святым историческим местам. Попав из сельской глубинки в Москву, здесь было мне всё интересно. Я много ходил пешком. Исходил столицу из конца в конец, и уже в скором времени знал город не хуже коренного москвича, хотя среди москвичей были и остаются те, кто дальше своего порога знать ничего не хочет.

Тогда Москва была другой, не такой, как ныне: уютной, чистой, безопасной, даже ночью можно было гулять не думая, что на тебя могут напасть хулиганы или ещё кто-то, избить, ограбить. Об охранниках, какими ныне напихана вся Москва и речи не было. Личные автомашины являлись редкостью, воздух чище. Радовали глаз памятники старины. Поражала любовь старожилов столицы к слову. Их виртуозная речь, богатство лексики языка, вобравшего в себя сокровища всех русских говоров. Это способствовало созданию общерусского литературного языка. Чужая иностранная речь слышалась редко, эмигрантов не было, Москва легко обходилась без них. Она и сейчас обошлась бы без заезжей рабочей силы, если бы чиновники платили своим нормальную зарплату. А так с эмигрантов они берут себе определённую мзду. Здесь были свои обычаи и наречия. Во всенародном обращении замечались пословицы и поговорки. К кому бы не обратился, всегда можно было получить вежливый и подробный ответ. Я благодарил судьбу за возможность жить в московской речевой стихии, проникаться ею. Не зря же поэт Николай Языков, один из друзей Александра Пушкина, писал: *Поэты наши! Для стихов//В Москве ищите русских слов!..*. Увы. Ныне это всё в прошлом. Москва, издревле святорусский город, взята в полон чужеземной культурой. Русские здесь поражены и сокрушены. Правда, русские патриоты не признают своего духовного разгрома, но факт остаётся фактом. Борьбу эти «отечественные воители за умы и души народа московского», как пишет писатель Сергей Бородин, проиграли. Русский дух покинул Московию. Особенно это заметно в современном говоре, песне, быту. Пока будет нестись тарабарщина зомбирующей электронной музыки, Москва всё глубже и глубже станет погружаться в пучину чужеземной культуры и ею разлагаться морально. Только истинная задушевная простая русская песня сможет очистить наносные людские помеслы от губительной тлетворности основ самой жизни. Иначе державного единства нам не видать, как своих ушей. К сожалению, Москва неузнаваемо изменила свой лик. Прибывает сюда публика совсем чужая, всё чаще слышишь на улице чуждую тебе речь, не русскую. Заселяется Москва инородцами со всего света. Русских здесь насчитывается уже не более 30 процентов, могут со временем вообще исчезнуть, раствориться в массе чужаков. У них же там, в бывших союзных республиках Советского Союза, которые, если им становится плохо, просят нашей помощи и поддержки, переходят на латиницу, делают это тихо, как само собой разумеющееся. Свершившийся факт — Узбекистан, Туркмения и Азербайджан перешли с кириллицы на латиницу, теперь к ним присоединяется Казахстан, покидающий «русский мир» и всё больше втягивающийся в турецкую орбиту. В этих бывших союзных республиках СССР с рвением взялись «выжигать русский язык огнём и мечом», особенно на Украине. Местные националисты устраивают расправу над теми, кто говорит на своём русском языке, измываются над ними, избивают. Кто-то может сказать, что я разжигаю национальную рознь и сгущаю краски. Нисколько! Я говорю только правду. Что стало бы с Китаем без иероглифа? Почему же мы не бережём свой родной русский язык — своё могучее словесное оружие, без которого нас не будет. Ведь русское пространство, то есть кириллическое, неуклонно сужается, растёт без-

грамотность, даже на радио и телевидении дикторы не все могут говорить чисто, по-русски. И видно, как резко снизился интеллектуальный уровень жителей Москвы. Раньше здесь задавали тон крупные научные школы, передовое производство, высокая культура, которой стремились овладеть те, кто приезжал сюда на жительство. Ныне в столице главенствует спекулятивно-ростовщический капитал, насаждается индустрия низкопробных развлечений, процветают проституция и наркомания. Так что нынешняя Москва разочаровывает. Будущее, как мне кажется, у столичного мегаполиса для русских незавидное. Нельзя же превращать столицу в казарму или в муравейник, куда стекаются все, кому не лень, не воспринимающие русское. Печалит и неблагоприятная демографическая обстановка, выраженный рост социального расслоения. А ведь чувство справедливости в русской ментальности играет важную роль. И спрашиваешь себя, где же достойная, свободная жизнь? Ради чего стольичная интеллигенция тогда призвала народ к смене власти и преобразованиям авторитарного строя на какую-то мнимую свободу и демократию. Потому царапает душу разочарование нынешней нашей жизнью. Ведь периферия Москве поверила, в регионах надеялись на улучшение своего жития-бытия. Увы! Надежды не сбылись. Остались иллюзии, растаявшие, как вешний снег. Духовное неблагополучие – страшная угроза нашему существованию. Но я несколько отвлекся от заданного вопроса, хотя как сказать. Это же наша жизнь, от неё никуда не денешься. Одно связано с другим. Наболело на душе, вот и решил малость поделиться своими впечатлениями о жизни нынешней Москвы.

Учёба в университете была интересной, давала хорошие плоды. Только впитывай, что вкладывали тебе в голову прекрасные преподаватели с деканом Ясеном Николаевичем Засурским, этим удивительной чистой души человеком, который любил студентов как своих детей, горой стоял за каждого. Если кому-то грозила какая-то неприятность – никого в обиду не давал. Поступал по справедливости. Мне довелось с ним поговорить один на один о Фолкнере, который тогда входил в моду, а Ясен Николаевич являлся большим специалистом по зарубежной литературе. Конечно, в студенческой среде всякое бывало, люди разные, каждый со своими взглядами и ориентирами. Кто-то пытался навязать свою волю. Но противное моей душе я отвергал, погружался в ту, где её радовало и облагораживало. Подобное же тянется за подобным. Я любил писать диктанты, они развивали грамотность, писал почти без помарок. Зарубежной литературе, в которой особо выделял Джека Лондона и Фолкнера, предпочитал русскую, в ней меньше практицизма, она своей реальностью окунала тебя в русскую действительность, в которой было и хорошее и плохое. Учила жить правильно, любить своё незабвенное Отечество. Постоянно перечитывал Пушкина, Некрасова, Есенина, за любовную лирику обожал Фета. С ними не расstaюсь и поныне, как и с прозой Достоевского, Лескова, Льва Толстого, Бунина, Чехова, Шолохова — этих гигантов Русского Слова. В это время вoвсю заявляли о себе современные русские писатели Фёдор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин — будущие наши классики. Старался не пропустить ни одной их публикации. Бальзамом обволакивала сердце лирическая проза Виктора Лихоносова. Владимир Тендряков с Борисом Можаяевым нравились своей смелостью вскрывать язвы жизни и указывали пути их избавления. Здесь, в столице, впервые встретился с одарённым поэтом — коренным нижегородцем Александром Люкиным и полюбил его. Он был не один, а со своим товарищем земляком и тоже поэтом Борисом Шумиловым, который учился в Литературном институте имени М. Горького, а Люкин здесь же заканчивал Высшие литературные курсы. Небольшого роста, широкоплеч, он улыбался, и из тёмно-карих глаз под широкими густыми бровями разливалась какая-то особая солнечная теплота, которая могла бы согреть и в мороз. Он весь как бы светился изнутри. Рукопожатие его было крепким, я почувствовал, что

этот человек хороший и никогда никому не сделает зла. «Из наших, говоришь», - переспросил он товарища, не отрывая от меня пронизывающего взгляда. «Да, крестьянский сын, мы с ним на одном комбайне работали — парились в жару, хлеб убирали», - слегка заикаясь, ответил Шумилов. «Вижу, что наш, - проговорил Люкин, сильно окая. — Это хорошо, в наших рядах прибыло, я рад, будем знакомы», - он снова пожал мне руку, да так крепко, что я чуть не вскрикнул от боли. Вот таким сильным был этот человек. Таким в моей памяти и остался, а ещё своей афористичной поэзией. На прощание он подарил мне свою книгу стихов «Жизнь», только что вышедшую в московском издательстве «Советский писатель». На титульном листе написал:

*Пиши нам правду,
Только правду
Про наше
Про жите-бытье,
Чтоб мы
Читали без досады,
Чтоб сердцем
Слушали её.*

— Это вам, Николай, мой наказ, — сказал Александр Иванович. — Будьте справедливы и честны, не разменивайтесь по мелочам и не забывайте своих корней. Без прошлого не было бы нас.

Тут он о чём-то задумался, взглянул на своего товарища, стоящего рядом, и снова мне: «Жизнь — такая штука: кутерьма, круговерть! Но от правды, дорогой мой земляк и хороший человек, не отступайте ни при каких обстоятельствах, стойте за неё насмерть. Чтоб она как гром гремела и доходила в любую даль».

Почему я вспомнил об этой встрече, которая произошла летом 1963 года? Да потому, что наказу удивительно хорошего человека и поэта жить на правде и творить добро старался следовать всю свою жизнь. Ведь правда в нашей журналистской работе самое главное дело. На ней стоит весь белый свет. Без правды мир заглох бы, ослеп и провалился в тартарары. Вот такие бывают значимые встречи, оказывающие благотворное влияние. Встречаться с Александром Люкиным приходилось ещё не раз, но уже на родной нижегородской земле, об этом я постараюсь ещё написать.

Осваивая суть университетских наук, мои интересы и «вкусы» росли, вникал и в политику, стараясь как можно глубже проникать и разбираться в её противоречивых хитросплетениях. Всё, что творилось вокруг в стране, старался называть русскими словами. На этой почве у меня возникли неприятности с преподавателем политэкономии, который постоянно ссылался на Маркса и его «Капитал». Мне этот интернациональный талмуд Мардохея Маркса как и сам его автор были не интересны. Он не обогащал меня своей сомнительной учёностью, а напротив, вносил в голову сумятицу своей буржуазной направленностью и чуждой моралью. Ближе и дороже были русские традиции, а они выдавливались нашими недругами, которые в то время всё активнее заявляли о своих претензиях на власть, оттесняя русских. И разве нужно было нам цепляться за марксовский «Капитал», чтобы идти своей русской дорогой? Я замечал, как рвалась связь времён. Нам внушали, что марксизм — наука. Моё мнение после того как я прочитал «Капитал», стало противоположным, так как учение Маркса видит в человеке отношения собственности на средства производства и распределения. Значит, собственностью отличается человек. История же представлялась как смена общественно-экономических формаций, как структура общества, определяемая на данной стадии развития способом производства. А где его вера, дух, национальная принадлежность. «Это же может разрушить

наше общество, - силится я доказать преподавателю, - разорвать нити его прочности, если мы и впредь станем руководствоваться учением Маркса». В дальнейшем так и случилось. Марксистами были уничтожены миллионы истинных тружеников — цвет русской нации, которых ныне нам очень не хватает в строительстве справедливого государства без олигархов. Я спорил с преподавателем, доказывая, что все эти истматы, диаматы — ложь. В итоге он меня выпроводил за дверь, сказав, чтобы я лучше подготовился и пришёл пересдать предмет и только ему. Я понимал, что со своими убеждениями на учение Маркса вряд ли получу положительную оценку у этого преподавателя-догматика. Однако советом его «лучше подготовиться» не воспользовался. Но «хвост» как-то надо было ликвидировать. Через два дня пришёл на факультет. У двери аудитории, где шла сдача экзамена, было не протолкнуться. Все ждали своей очереди. Принимал всё тот же «марксист» и молодая аспирантка. Вдруг дверь открылась, появился он — тот самый ярый марксист, видимо его куда-то вызвали, и быстро исчез. Это удача! Я тут же, не вошёл, а влетел в аудиторию. Аспирантка дала мне вопросы, я без всякой подготовки стал отвечать, украдкой посматривая на дверь и моля Бога, чтобы тот закоренелый «марксист» подольше не приходил. Быстро ответил, получил хорошую оценку и был таков. После, увидев меня, аспирантка говорила, что ей от того преподавателя попало, когда он узнал, что я «заполучный» предмет сдал. Оказывается, он ещё хотел меня «погонять», чтобы я знал, как сверчок свой шесток и не сомневался в «великом учении» Маркса. Иного от этого догматика ожидать было нельзя. В талмудовском «Капитале» всё направлено против сущности и жизни русского человека. Ведь что представляет собой современный мир? Это мир узурпированных банков, бирж, средств массовой информации и экономической свободы. Русскому человеку, творящиеся воровские законы ростовщичества неприемлемы и противоречат его православным взглядам и заповедям Божьим. Потому-то душа русского человека стремится к справедливости, и только тогда бывает спокойна и довольна, когда близка к Богу. Без почтения и уважения к родителям, мы обрубаем свою пуповину, оказываемся безродными Иванами, не помнящими своего родства. Если не любишь родителей, то тебе недорого и Отечество. Я преклоняюсь перед людьми, которые весь свой талант отдавали и отдают служению ему, и презираю тех, кто на своё Отечество, которое их «вывело в люди», выливают ушаты грязи, злбу и ненависть. Что и поспособствовало крушению страны. Печально, что эти выродки — горбачёвы, герберы, ельцины, бурбулисы, гайдары, чубайсы, солженицыны, собчаки и несть им числа оказались «на коне». И к чему это привело? К исчезновению страны с названием СССР, о которой ныне многие старожилы вспоминают с ностальгией. Так что надо презирать и отвергать предателей, блюсти свои святые принципы и заповеди Божьи, цементирующие нашу жизнь и веру, не сгибаться перед ворогом.

После окончания третьего курса со мной случилась беда. Находясь на своей малой родине, где проводил летние каникулы, попал в автомобильную аварию и получил травму позвоночника – смещение позвонков в поясничном отделе. Меня положили в больницу. Пролежал на деревянном щите месяца два. В университет вернулся в конце года, пропущенное наверстал, даже умудрился кое-что сдать досрочно за следующий курс. И вот приблизилось время окончания учёбы. Предстояло написание и защита дипломной работы. Моим руководителем стал профессор, заведующий кафедрой литературоведения Анатолий Георгиевич Бочаров. Добрейший, очень внимательный и вежливый человек, литературовед от Бога. Писал критические статьи и книги о творчестве разных писателей и поэтов. «Ну, тебе и повезло, - говорили мои сокурсники, покачивая головами, - когда узнали о моём руководителе. – Семь потов с тебя сойдёт, пока подготовишь работу к защите. Бочаров — он строг, но защитишь на отлично. Так оно в итоге и получилось. Сначала хотел на-

писать и защитить дипломную работу по Пушкину или Есенину, но для этого нужно было время и немалое, а его у меня уже было в обрез, чтобы провести какую-то исследовательскую работу о жизни и творчестве кого-нибудь из них. После некоторых раздумий взял свои уже опубликованные очерки о деревенских тружениках и лирические миниатюры, снабдив их фотографиями. Оставалось написать вступительную статью. Пятьдесят страниц получилось. «Неплохо, - сказал Бочаров, - но надо сократить». Такая у него была присказка. Сократил. Только после третьего сокращения получил одобрение. А сокурсники мне говорили, что Бочаров тебя хвалит. При защите мой оппонент пытал меня ленинскими работами, видимо, хотел сбить с толку или проверить мои политические познания классиков марксизма-ленинизма, тогда знать их было обязательно, хочешь этого или нет. Цитировали их везде и всюду, к месту и просто так, для «красного словца». На все вопросы отвечал, как считал нужным, в итоге отбил все заковыристые вопросы своего оппонента.

С Бочаровым мы встречались и после моего окончания МГУ. Жил он на улице Правда, недалеко от Белорусского вокзала. Я приходил к нему домой как к старому хорошему товарищу, за чашкой чая говорили о жизни, о людях и, разумеется, о литературе, писателях. Он дружил с поэтом Робертом Рождественским отзывался о нём тепло и сердечно. Однажды я принёс Анатолию Георгиевичу свою наспех написанную небольшую повестушку о спившемся человеке, не нашедшем своего места в жизни, но всё же переборавшего себя и вставшего на трезвый путь жизни. Прочитав, он сказал: «Неплохо, но надо ещё поработать...». И подарила мне свою книгу с надписью: «Уважаемому и любимому ученику Николаю Викторовичу Офитову бесспорно будущему писателю. Ан. Бочаров». Но моих книг, уйдя в мир иной, он уже не увидел. А интересно было бы услышать о них его слово. По окончании учёбы я тут же окунулся в беспокойную жизнь журналиста, дав себе слово писать правду и только правду. И ещё помнить сказанное одним епископом: «Не привыкайте к благодати». В этой фразе давался профилактический совет от всех соблазнов и болезней будущего. Я от него не отступал ни на шаг даже в самых сложных положениях и условиях, оставаясь самим собой. Ведь покорно вживаться в не своё естество, значит терять себя и владеть безликое существование.

Россия — это страна Добра.

Продолжение следует